

ДОСТОЕВСКІЙ И ПАСЕМСКІЙ.

ОПЫТЪ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

(Два публичныя лекціи).

Профессора А. Курницкіа.

ОДЕССА.

Типо-литографія Штаба Одесскаго Военнаго Округа.

1884.

ДОСТОЕВСКІЙ И ШСЕМСКІЙ,

ОПЫТЪ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

(Данъ публичныя лекціи).

Профессора А. Муртинникова.

ОДЕССА.

Типо-литографія Штаба Одесскаго Военнаго Округа.

1884.

Печатано по распоряженію Правленія Императорскаго Новороссійскаго Университета.

Ректоръ *И. С. Вепровъ*.

Русская литература во второй половине XIX столѣтія не богата поэтическими талантами, но за то русскій романъ достигъ въ это время такого высокаго развитія, что весь цивилизованный міръ не только заинтересовался имъ, но и преклонился передъ нимъ. Это сдѣлать общезвѣстный. Между дѣятелями этого романа Достоевскій и Писемскій занимаютъ очень видное мѣсто; они стоятъ почти рядомъ съ Тургеневымъ, Л. Толстымъ и Гончаровымъ; но послѣдніе пишутъ мало, когда и какъ хотятъ; а Достоевскій и Писемскій всю жизнь оставались литературными рабочими, которые должны были думать не о потомствѣ, а объ современникахъ. Оба они литераторы по призванію и по страсти; оба люди съ образованіемъ выше средняго, но безъ особой глубины и послѣдовательности; оба поклонники Пушкина и ученики Гоголя; оба выступаютъ въ передовыхъ изданіяхъ, оба считаются либеральными писателями и оба терпятъ отъ преслѣдованій цензуры; въ началѣ 60-хъ годовъ оба они оказываются въ лагерѣ консервативномъ и остаются въ немъ до конца своей дѣятельности. Но какъ различенъ этотъ конецъ и какъ различно отношеніе къ нимъ ближайшаго потомства! Смерть Достоевскаго была бѣдствіемъ, которое оплакивала вся Россія; смерть Писемскаго (они оба умерли въ январѣ 1881 г.) едва была замѣчена. Достоевскій превознесень и поставленъ рядомъ съ Тургеневымъ и Л. Толстымъ; Писемскій забытъ, униженъ и почти забытъ.

1) Публичныя лекціи, читанныя въ Одессѣ 14 и 17 Марта 1893 г.

Въ то время, какъ незнаніе круцихъ произведеній Достоевскаго которыя читаются тяжело, съ напряженіемъ, почти съ болью, считается позоромъ для образованнаго человѣка, усердное чтеніе Писемскаго, котораго въ концѣ 50-хъ годовъ признавали несравненно болѣе талантливымъ, для молодого человѣка чуть не свѣдѣтельство безнравственности. И такъ смотрятъ на нихъ не только у насъ, но и за границей, гдѣ о мировоззрѣніи Достоевскаго пишутъ цѣлыя книги, а имя Писемскаго извѣстно только немногимъ спеціалистамъ, да и то болѣе на статьѣ Юліана Шмидта о романѣ «Тысяча душъ».

Разъясненіе причинъ этого явленія, которое, конечно, не можетъ быть случайнымъ, должно дать матеріалъ для разрѣшенія общаго вопроса о томъ, какія особенности писателя, кромѣ таланта, дѣлаютъ его симпатичнымъ для издѣлихъ современниковъ и вліятельнымъ для ближайшаго потомства.

Я не буду подробно излагать біографіи Писемскаго и Достоевскаго, но не могу не упомянуть о тѣхъ условіяхъ и о тѣхъ литературныхъ вліяніяхъ, подъ которыми слагался ихъ характеръ и развивалась ихъ взгляды и вкусы.

Начинаю съ Достоевскаго, который раньше выступилъ на литературное поприще.

Фед. Мих. Достоевскій род. 30 октября 1821 г. въ Москвѣ, въ зданіи марьянской больницы, гдѣ отецъ его служилъ штабъ-дѣйствителемъ; мать его, урожденная Печенева, происходила изъ московскаго купечества, изъ семьи, очевидно, интеллигентной, судя по ея связямъ съ средой профессорской. Семья Достоевскаго была многочисленная (всѣхъ дѣтей было семеро; Федоръ былъ вторымъ сыномъ, а старшимъ Михаилъ, тоже не безызвѣстный литераторъ), а средства не большія. Жизнь въ семьѣ шла необыкновенно правильно, точно заведенные часы; удовольствія и гости составляли большую рѣдкость. Въ маленькой казенной квартирѣ дѣти проводили бѣдшую часть времени на глазахъ у родителей и рано начали учиться, конечно, съ русской азбуки, которой обучала ихъ сама мать. Затѣмъ къ старшимъ мальчишкамъ ходили два учителя: «отецъ дьяконъ» для преподаванія закона божія и М-г Сушардъ (впоследствии Драшусовъ) для французскаго языка. Отецъ, придававшій большое значеніе образованію, пользовался великимъ случаемъ, даже дѣтней прогулкой, чтобы сообщать дѣтямъ полезныя свѣдѣнія; но какъ

воспитатель, онъ былъ слишкомъ суровъ и требователенъ; хотя онъ никогда не билъ дѣтей, но сыновья боялись его какъ огня, не смѣли при немъ рѣзвиться и шалить; а когда онъ началъ учить ихъ латинской грамматикѣ, они во время длиннаго урока стояли передъ нимъ на вытяжку. Онъ часто повторялъ дѣтямъ, что онъ человекъ бѣдный, что дѣти сами себя должны пробивать дорогу, что они послѣ смерти его останутся нищими и т. д. Угрюмость отца и подобныя рѣчи не могли не придавать семейной жизни Достоевскихъ отчасти некоторой мрачности и непривлечности.

Федоръ Достоевскій былъ ребенкомъ очень живой, впечатлительный и способный, первый выдумщикъ въ дѣтскихъ играхъ и шалостяхъ. Онъ, конечно, и учился хорошо и рано началъ читать, тѣмъ болѣе, что въ семействѣ были въ обычаѣ вечернія чтенія. Ему было около 11 лѣтъ, когда его родители приобрѣли въ Тульской губ. небольшое имѣнiе, гдѣ стали проводить лѣтнiе мѣсяцы. До тѣхъ поръ Федоръ, какъ и братья его, знали изъ «природы» только больничный садъ да Марьяну рощу, но «изродъ» они уже имѣли некоторое понятiе черезъ няню, а особенно черезъ деревенскихъ кормилицъ, которые разсказывали имъ страшныя сказки. Домъ въ деревнѣ былъ маленькiй, и мальчннн все время проводили на воздухѣ и въ полѣ, часто среди крестьянъ. Это было лучшее время для Федора Достоевскаго, но оно пролетало слишкомъ скоро. Зимой въ этотъ же году началось болѣе серьезное ученье. Михаилъ и Федоръ сперва поступаютъ въ небольшой подготовительный пансиончикъ, а въ 1834 г. — въ известнiй въ то время въ Москвѣ пансионъ Чернака, гдѣ преподавали и некоторые профессора университета. Достоевскiе были тамъ полными пансионерами и только по субботамъ и на праздники прѣзжали домой. Въ пансионѣ братья особенно увлекались уроками преподавателя словесности, а дома — невѣдствiе «мнительности родителей, особенно отца»¹⁾ они почти не имѣли знакомыхъ и никогда не выходили одинъ — они все время отдавали чтенiю. Ф. Достоевскiй перечиталъ не одинъ разъ исторiю Карамзина, его повѣсти, Жуковскаго, рядъ романовъ В. Скотта, Загоскина, Лажечникова, Нарышкина, Вельмана,

¹⁾ Биографiя и пр. стр. 25.

а Пушкина, что можно было достать, оба брата знали почти все наизусть.

Ф. Достоевскому шелъ 16-й годъ, когда онъ лишился матери; чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ его, только что оправившагося отъ серьезной горловой болѣзни, и его брата Михаила отецъ отвезъ въ Петербургъ, для отдачи въ казенное учебное заведеніе. Позанившись нѣсколько мѣсяцевъ въ подготовительномъ пансіонѣ совершенно особаго петербургскаго типа, гдѣ за довольно дорогую плату готовили въ точности по программѣ опредѣленнаго высшаго учебнаго заведенія и въ виду конкурса напругаютъ до нелѣи все способности учащагося, Ф. Достоевскій въ началѣ 1838 г. былъ принятъ въ инженерное училище, а братъ его, забраванный по слабости здоровья, поѣхалъ доучиваться и служить въ Ревель.

Инженерное училище считалось одной изъ лучшихъ высшихъ школъ того времени: отсутствіе телесныхъ наказаній, сравнительная свобода учащихся, близость къ высш. начальству, духъ товарищества, не исключавшій притомъ безусловной покорности младшихъ передъ старшими, серьезное преподаваніе математики, внесеніе нѣкоторыхъ общеобразовательныхъ предметовъ въ курсъ низшихъ классовъ, все это ставило его высоко среди другихъ военно-учебныхъ заведеній, и масса лицъ, окончившихъ въ немъ курсъ, вспоминаютъ о школьныхъ годахъ своихъ съ самымъ теплымъ чувствомъ. Но для Достоевскаго трудно было и выдумать условія антипатичнѣй тѣхъ, въ какия онъ былъ тамъ поставленъ: нервный, впечатлительный, болѣзненный юноша онъ не могъ примириться съ военной дисциплиной и математикой; для чертежей, которыми заваливали учениковъ, у него не хватало терпѣнія; въ математикѣ сердце его совсѣмъ не лежало: у него уже совершенно ясно опредѣлилась чисто литературная направленіе. Минутельность отца совсѣмъ не причинала его въ товариществу, а съ братомъ онъ долженъ былъ разстаться; полуофицерское положеніе будущихъ инженеровъ и состоятельность большинства ихъ, при отсутствіи денегъ, доставляли самолюбивому Достоевскому только унижительное страданіе.

Результаты понятны: 17-лѣтній юноша держится особнякомъ отъ класса, приобретаетъ репутацію недружелюбнаго, чудачка, всецѣло уходитъ въ себя; а всѣмъ извѣстно, какъ живетъ таинный пустышкаецъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи. Беднѣ Достоев-

скій былъ послабѣй, его забили бы нравственно; но онъ умевъ и упоревъ; онъ страшно много работаетъ хоть и не надъ математикой; онъ просиживаетъ съ книжкою ночи на пролетъ въ учебное время и съ нею не проводитъ великую свободную минуту въ праздникъ и въ лагерѣ. Онъ скоро становится выше своихъ товарищей на три головы и руководить чтеніемъ и занятіями тѣхъ, кто хочетъ заняться литературой (запр. Григоронича)¹⁾. У него развивается болѣзненное и мучительное для него самого самолюбіе; природная впечатлительность, скрываемая отъ окружающихъ, доходитъ до крайней степени, и способность жить здоровой молодой жизнью падаетъ до минимума.

Вотъ въ какомъ видѣ вступаетъ Достоевскій въ жизнь, произведенный въ 1841 г. въ офицеры; но съ инженерными училищемъ и веналистскими ему инженерными науками онъ разстался только чрезъ 2 года, по окончаніи полнаго курса, да и то съ зачисленіемъ въ инженерную команду.

Алексѣй Феофилактовичъ Писемскій слишкомъ на полтора года старше Достоевскаго; онъ родился 10 марта 1820 года въ деревнѣ отца (Равенъ) въ Чухломской уездѣ Костромской губ. Онъ происходилъ изъ стариннаго, но захудалаго и сильно обдѣившаго дворянскаго рода; онъ считалъ междъ у своими предками и посланинцовъ и свитыхъ, а дѣдъ его, какъ самъ онъ говоритъ, ходилъ въ лаптяхъ и пахалъ землю. Его отецъ, едва выучившись грамотѣ, поступилъ въ полкъ солдатомъ 14 лѣтъ отъ роду. Прослужилъ чуть не 30 лѣтъ на Кавказѣ, онъ въ чинѣ майора задумалъ побывать на родинѣ, и женился тамъ на довольно состоятельной дворянѣ Шиповой. Это былъ военный служака, «человѣкъ пола, боя и нужды», суровый и требовательный въ себѣ и въ подчиненнымъ. Мать романиста была женщина очень нервная, тонко-умная и, несмотря на недостатокъ образованія, очень общительная. Черезъ нее Писемскій былъ въ родствѣ съ извѣстнымъ масономъ александровскаго вренени Ю. Бартеневымъ²⁾ и съ другими высокообразованными людьми. Когда Писемскій сталъ подростать, у него не было ни братьевъ, ни сестеръ, и его наперерывъ базовали и

¹⁾ См. Воспоминанія Григоронича. Русская Мысль 1892, № 12.

²⁾ Очевидно его изображаетъ онъ въ самомъ талантливомъ и умномъ лицѣ Взаболомученаго Мора—Ливановѣ.

роптези и двѣ тети, старыя дѣвицы Шиповы. Учиться ребенка не вудили, и самъ онъ къ наукѣ не чувствовалъ влеченія; никакимъ иностраннымъ языкамъ, кромѣ латинскаго, онъ не обучался; за то перечиталъ массу романовъ безъ всякаго разбора и порядка. 14 лѣтъ онъ поступилъ во 2-й классъ востромской гимназій и оказался ученикомъ понятливымъ и сравнительно прилежнымъ. Въ гимназій начинаютъ раскрываться въ немъ художественныя наклонности, сперва къ театру, а потомъ и къ литературѣ; въ старшихъ классахъ учитель словесности считаетъ его прекраснымъ стилистомъ и, будучи въ 7-мъ классѣ, Писемскій уже посылаетъ свою повѣсть «Чугунное кольцо» въ журналъ (впрочемъ безъ всякаго результата). 20 лѣтъ онъ, наряду уговоряя отца, поступаетъ въ московскій университетъ на физико-математическій факультетъ.

Итакъ дѣтство и отрочество двухъ романистовъ проходить въ условіяхъ нѣсколько сходныхъ, но далеко не тождественныхъ; ни тамъ, ни здѣсь нѣтъ ни бѣдности, ни большого богатства; и тамъ, и здѣсь любящіе родители; но здѣсь — деревенское при-волье, баловство отца, матери и тетокъ, потомъ свой губернскій городъ и несобременительныя занятія въ гимназій; тамъ маленькая казенная квартира и тощій большичный садъ, потомъ пансіонъ и наконецъ закрытое военно-учебное заведеніе въ Петербургѣ. Неученый отецъ Писемскаго думаетъ прежде всего о томъ, чтобы мальчикъ не заучился, только 14 лѣтъ отдаетъ его во 2-й классъ и по окончаніи курса въ гимназій танетъ его домой; ученый, требовательный и нителный отецъ Достоевскаго стремится набить голову сыновей науками, языками и литературой и развиваетъ въ нихъ нервную напряженность и самолюбіе, а потомъ почти дѣтски отправляетъ ихъ въ Петербургъ дѣлать карьеру.

Понятно, что Писемскій, привыкшій заниматься, не затрудни себя, никогда не будетъ надрывать силъ своихъ, но за то никогда не выработаетъ въ себѣ той нервной способности проникать глубину плечей жизни и человеческого духа, которая одна только и дѣлаетъ великаго поэта. Съ другой стороны болѣзненно-впечатлительному, вѣчно одинокому Достоевскому, трудно будетъ отрешиться отъ самого себя и, даже при огромномъ творческомъ талантѣ, отнестись объективно и спокойно къ окружающимъ его людямъ и ихъ дѣйствіямъ. Одинъ лучше будетъ понимать здороваго, нормальнаго и притомъ, такъ сказать, вѣшняго чело-

нѣка, живущаго по разуму, другой будетъ анализировать человека внутренняго, полнаго противорѣчій и болѣзненныхъ колебаній настроенія и чувства.

Конечно, въ послѣдующей жизни двухъ писателей могли явиться условія, способныя видоизмѣнить эти, такъ сказать, предварительныя данныя: Писемскій могъ бы въ университетѣ увлечься наукой и зарыться въ книги и мысли; Достоевскій, по выходѣ въ офицеры, могъ попасть въ кружокъ умныхъ и добрыхъ, и въ тоже время простыхъ и веселыхъ пріятелей и увлечься ихъ здоровой жизнью. Но ничего подобнаго не случилось.

Писемскій поступаетъ не на филологическій факультетъ, какъ можно бы ожидать по его литературнымъ наклонностямъ, а на физико-математическій; занимается онъ не усиленно, живетъ въ свое студенческое удовольствіе и получаетъ среди товарищей пѣвотность, какъ хорошій актеръ и чтець Гоголя. Обозначивъ курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента, онъ увѣжваетъ въ родную Костромскую губернію на службу.

Въ 1841 г. Достоевскій произведенъ въ офицеры, но остается въ училищѣ для дальнѣйшаго прохожденія наукъ. Онъ и въ офицерскихъ классахъ училища и потомъ на службѣ въ канцеляріи продолжаетъ свою отшельническую жизнь. Живетъ онъ безрасчетнымъ «судомомъ» и быстро попадаетъ въ денежные затрудненія. Его антипатія къ «чертежничеству» только усиливается отъ времени. Исполняя «съ отвращеніемъ» обязательную работу, онъ страшно много работаетъ для себя, для своего литературнаго образованія, можно сказать, изводитъ себя надъ чтеніемъ и надъ попытками творчества.

Самый важный пунктъ въ біографіи писателя и необходимый вопросъ въ его историко-литературной оцннкѣ — это его юношеское чтеніе: что читалъ онъ и какъ читалъ?

Писемскій говоритъ о себѣ, что онъ въ университетѣ «познакомился съ Шекспиромъ, Шиллеромъ, Гете, Корнелемъ, Расиномъ, Руссо, Вольтеромъ, Гюго и Ж. Зандомъ и сознательно оцѣнилъ русскую литературу».

Курсъ, какъ видите, не малый, и подборъ хорошій, но вопросъ въ томъ, какъ это все усвоено. Полный жизни и съ недурными средствами студентъ начала 40-хъ годовъ и надъ чтеніемъ, очевидно, не убивалъ себя, какъ не убивалъ надъ наукой. Классиковъ, Гюго съ Ж. Зандомъ онъ читалъ, конечно,

съ пониманіемъ, но въ перелогахъ; слѣдилъ, какъ и всѣ болѣе развитые товарищи его, за немногочисленными въ то время русскими журналами, но и только; чтеніе было для него образовательнымъ средствомъ, удовольствіемъ, но не жизнью. И все это послѣ 20 лѣтъ, когда «орипровка ума и опредѣленіе наклонностей у многихъ уже закончены.

Не то съ Достоевскимъ. Изъ его писемъ въ брату видно, что уже въ 17 лѣтъ этотъ никеверный кондукторъ весь ушелъ въ литературу даже до нѣкотораго извращенія мыслей и языка ¹⁾. Вотъ напр., что прочтано имъ въ короткія лѣтнія вакаціи до 9 августа: «Весь Гюманъ — русскій и нѣмецкій (т. е. не переведенный Котъ Муръ), почти весь Балъзакъ, Фаустъ Гете и его мелкія стихотворенія, исторія Полеваго, Уголио, Уидина, В. Гюго провъ Кромвелла и Эрнани» (стр. 9). А главное: какъ это все прочтано: не для наполненія празднаго времени — едва ли его и было много при обязательныхъ лагерныхъ занятіяхъ —, а для душевнаго питанія, для «восторга» ²⁾ и для непосредственнаго воздѣйствія на душу впечатлительнаго до безвѣнности юноши ³⁾.

Я обращаю ваше вниманіе на глубоко-знаменательное соединеніе двухъ такихъ противоположностей, какъ чистокровный романтикъ и фантастъ Гюманъ и крайній реалистъ Балъзакъ. Къ этимъ двумъ именамъ слѣдуетъ прибавить еще третье женское — Жоржъ Сандъ, романами которой Достоевскій зачитывался около того же времени. Черезъ много, много лѣтъ вспоминаетъ онъ, что послѣ чтенія Ускова онъ провелъ всю ночь въ дихорадкѣ ⁴⁾. Его

¹⁾ См. Письма отъ 9 авг. 1838 (Бюгр. и пр. стр. 7—8) и отъ 31 окт. (стр. 9—11). Восторженность чувствъ и ихъ выраженіе въ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ письмахъ напоминаютъ знаменитый Tugendbund 1772 г. и письма Фосса.

²⁾ «Балъзакъ великъ! восклицаетъ А—ій. Его характеры — произведенія ума вселенной! Но духъ времени, но цѣлыя тысячелѣтія приготовили бореньемъ своимъ такую разнаку въ умѣ человека».

³⁾ «У меня есть прожекты, пишетъ онъ въ припискѣ: — сдѣлаться сумасшедшимъ. Если ты читаешь всего Гофмана, то навѣрно познаешь характеръ Альбана. Какъ онъ тебѣ нравится? Ужасно видѣть человека, у котораго во власти непостижимое, человека, который не знаетъ, что дѣлать ему, играетъ игрушкой, которая есть Богъ!»

⁴⁾ Дневн. Писателя. Май 1876 по изд. 1882 г. XI, 157.

поражала въ ней «цѣломудренная, высочайшая чистота типовъ и идеаловъ и скромная прелесть строгаго сдержаннаго тона разсказа». Онъ считаетъ ее «женщиной почти небывалой по силѣ ума и таланта» и восхищается ею за то, что она «пропѣвываетъ красоту въ милосердіи, терпѣніи и справедливости», за то, что она предчувствуетъ болѣе счастливое будущее человѣчества.

Ко времени выхода изъ училища, Достоевскій замѣчательно начитанный юноша. Онъ не «познакомился съ Шиллеромъ», какъ Писемскій; онъ «вызубрилъ Шиллера, бредилъ имъ»¹⁾; онъ знаетъ сонеты Шекспира; Шатобрианъ, даже Ниваръ для него свои люди. Стихи Пушкина не сходятъ съ языка его; онъ цитируетъ наизусть не только Гоголя и Грибоедова, но и Расина съ Корнелемъ, которыхъ онъ сравниваетъ съ Гомеромъ, а Гомера называетъ «человѣкомъ, воплощеннымъ Богомъ и къ намъ ниспосланнымъ»; онъ не только воспринимаетъ въ себя—и не могу сказать: читаетъ—всѣ художественныя произведенія, какія только можетъ достать на 3-хъ языкахъ, но интересуется и ихъ авторами, и критикой, и исторіей литературы и всѣми вспомогательными къ ней науками. Самъ писать онъ началъ еще въ училищѣ, когда чувствовалъ «ярмы вдохновенія»²⁾; положимъ, что въ 17 лѣтъ не сочинилъ стиховъ и не задумывалъ драмы? но Достоевскій, и выйдя изъ оенцеры, когда передъ нимъ открылись всѣ прелести петербургской жизни, бредитъ одной литературой. Голова его переполнена планами изданій своихъ и чужихъ переводовъ; ими мечтаетъ онъ уплатить свои долги и даже занять; онъ и любимаго брата убѣждаетъ поддерживать увеличивающуюся семью литературными трудами. . . . Можно думать, что на сцену русской литературы выходить какой то литературный промышленникъ. Но, читая его расчеты относительно цѣнности бумаги, печати, обертки, всякій чувствуетъ, что Достоевскій самъ себя обманываетъ: дѣло совѣмъ не въ деньгахъ, а въ страстномъ, непобѣдимомъ влеченіи въ литературной дѣятельности.

Осенью 1844 г. Ф. Достоевскій подаетъ въ отставку. Почему? Потому, что «служба отнимаетъ у него лучшее время даромъ»³⁾, потому что его хотятъ командировать, а онъ про-

¹⁾ Письма стр. 15.

²⁾ Ibid. 11.

³⁾ Письмо отъ 30 сентября стр. 30.

падетъ идальеѣ отъ Петербурга, какъ отъ литературнаго центра. Чѣмъ будетъ жить онъ? Конечно, литературнымъ трудомъ; онъ будетъ «адски работать». Поиамѣсть онъ зарабатывалъ только по 25 рубл. асс. за печатный листъ перевода изъ Ж. Сандъ ¹⁾, но теперь онъ переписалъ свою первую повѣсть и уже сравниваетъ себя съ Пушкиннымъ и Гоголемъ, мечтаетъ о ихъ монументахъ и для себя, и такъ же, какъ они, желаетъ «ирѣшиться и не писать на заказъ» ²⁾. Онъ жадѣеть, что будетъ принужденъ отдать свое первое произведеніе въ Отеч. Зап. «разумѣется, за безцѣнокъ», но утѣшаетъ себя тѣмъ, что его прочтутъ по крайней мѣрѣ 100,000 человѣкъ, и что чрезъ мѣсяць онъ выпуститъ его отдельной книжкой, и ее купятъ всѣ, кто покупаетъ романы ³⁾. Во всякомъ другомъ случай такое самоувѣіе 23 лѣтняго ювона было бы наивно и смѣшно, но здѣсь насмѣшливая улыбка невольно застынетъ на губахъ у всякаго: вѣдь эта повѣсть «Бѣдные люди». Какъ ни избить разсказъ о первомъ появленіи «Бѣдныхъ людей» въ кружкѣ Бѣлинскаго, я не могу не повторить его въ двухъ словахъ. Я убѣжденъ, что онъ будетъ повторяться и чрезъ 100 лѣтъ во всѣхъ курсахъ исторіи литературы, какъ вышнее выраженіе вступленія ея на новый путь ⁴⁾.

Въ маѣ 1845 г. Достоевскій отдалъ свою повѣсть не въ Отеч. Зап., какъ предполагалъ прежде, а, по указанію своего товарища по училанду Д. В. Григоровича, который тогда только выступалъ на литературное поприще, поэту Некрасову, собиравшемуся печатать сборникъ. Вечеромъ въ этотъ день Достоевскій былъ у него то изъ товарищей и за чтеніемъ Мертвыхъ Душъ засидѣлся до

¹⁾ стр. 29.

²⁾ стр. 33.

³⁾ стр. 35.

⁴⁾ Разсказъ Д. В. Григоровича (Русская Мысль 1883 № 1 стр. 10—11) въ частностяхъ противорѣчитъ разсказу Д—аго (Дневн. Пис. 1877. № 1 ср. Восп. Панаева 404 и слѣд.); Григоровичъ, по его словамъ шлъ въ это время съ Д—имъ, а по словамъ Д—аго съ Некрасовымъ; по Григоровичу онъ читалъ «Бѣдныхъ людей» прежде совѣтскаго чтенія съ Некрасовымъ, по Д—ому цѣтъ; по Д—ому авторъ самъ далъ повѣсть Некрасову, по Григоровичу Д—ій и Некрасовъ никогда не видались до этого почтового визита. Но во всемъ существенномъ обѣ версіи сходится.

4-го часу утра. Вернувшись домой, онъ не хотѣлъ спать и сѣлъ у огня. Вдвугъ раздался сильный звонокъ. Достоевскій отпирваетъ; передъ нимъ Григоровичъ и Некрасовъ, которые бросаются обнимать его: они всю ночь читали его повѣсть и рѣшили сейчасъ же подѣлаться съ нимъ восторгомъ. «Чтожь такое, что спитъ», разсуждали они: «это ваше же сна».

Въ тотъ же день Некрасовъ отнесъ рукопись Бѣлинскому. «Новый Гоголь лиишелъ», закричалъ онъ ему. «У васъ Гоголи то, какъ грибы растутъ», строго замѣтилъ ему Бѣлинскій, но рукопись взялъ.

Бѣлинскій прочелъ повѣсть всю разомъ, не отрываясь ¹⁾ и немедленно потребовалъ къ себѣ Достоевскаго. Когда Достоевскій пришелъ, Бѣлинскій встрѣтилъ его «серьезно, сдержанно, изъ уваженія къ тѣмъ чувствамъ, которыя онъ хотѣлъ имѣть», но скоро весь воспламенился и закричалъ: «Да вы понимаете ли сами то, что это вы написали? Вы только непосредственными чутьемъ, какъ художникъ, могли это написать, но осмыслили ли вы сами то эту страшную правду, на которую вы намъ указали?... Вамъ правда открыта и возвѣщена, какъ художнику, досталась, какъ даръ; цѣните же вашъ даръ, и оставайтесь вѣрны ей, и будете великими художникомъ». Это была самая восхитительная минута во всей молодости Достоевскаго. На ваторгѣ онъ вспоминалъ объ ней и уирѣплялся духомъ.

Позднѣ члены того-же литературнаго кружка далеко не съ такимъ восторгомъ говорили о «Бѣдныхъ Людяхъ»; извѣстно, что Бѣлинскій въ послѣдующихъ произведеніяхъ Достоевскаго относился совсѣмъ иначе, называлъ ихъ «неряшескою чепухой» и даже еще хуже ²⁾ и не только не мечталъ о томъ, что Достоевскій пойдетъ много дальше Гоголя, какъ увѣрилъ онъ въ первые мѣсяцы знакомства ³⁾, но со свойственной ему стремительностью готовъ былъ совсѣмъ разжаловать его изъ кружныхъ писателей.

¹⁾ Но Д.—ому въ тотъ-же день; по Панаеву онъ всталъ за воечерезъ нѣсколько дней, ложась спать, чтобы прочесть нѣсколько страницъ, но прочиталъ всю ночь. Вѣроятно, Панаевъ смѣшалъ, и бессонную ночь Григоровича и Некрасова перенесъ на Бѣлинскаго.

²⁾ Писитъ; Бѣлинскій II, 297. Ср. Тургеева Восп. о Бѣлинск. Вѣстн. Евр. 1869, 720—1.

³⁾ Письма стр. 44.

Но дѣло было сдѣлано, и Достоевскій отдалъ себя литературѣ безповоротно, съ полнымъ убѣжденіемъ, что онъ можетъ и долженъ служить своей родинѣ именно на этомъ поприщѣ.

Я сказалъ, что съ появленіемъ «Бѣдныхъ людей» русская литература вступила на новый путь, сдѣлала крупный шагъ впередъ. Въ чемъ же значеніе этого шага? Это не трудно усмотрѣть себѣ посредствомъ такого предположаемаго опыта.

Представимъ себѣ умнаго, впечатлительнаго юношу, еще не знающаго жизни, но предугадывающаго ее по тому немногому, что онъ видѣлъ и слышалъ. Онъ получилъ хорошее литературное образованіе, изучалъ Гомера, Сократа и Горация, читалъ Шекспира, Сервантеса, Гете, Шиллера, знаетъ Жуковскаго, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, но совсѣмъ не знакомъ ни съ Тургеневымъ, ни съ Толстымъ, ни съ Островскимъ, не видѣлъ новыхъ пьесъ, не читалъ новыхъ журналовъ. Дадимъ ему въ руки Бѣдныхъ людей и спросимъ у него отчета въ его впечатлѣніи.

Я убѣжденъ, что впечатлѣніе будетъ очень сильное, и представленіе о томъ, что такое художественное произведеніе, будетъ поколеблено въ самомъ основаніи. Юноша сразу замѣтитъ близкое родство Бѣдныхъ людей и Шинели Гоголя и въ отношеніи искусства изображенія, конечно, отдастъ предпочтеніе Акакію Акакіевичу передъ Манаромъ Давушиннымъ. Какъ у Гоголя все ясно, пластично, сильно, и, главное, какъ весело и живо рассказана вся немногосложная жизнь героя до великаго событія—приобрѣтенія новой шинели включительно! Какъ здѣсь, напротивъ, все вяло, тоскливо, растянута! Но скоро юноша начнетъ понимать, что Акакій Акакіевичи все таки не только комическая фигура, хоть и написанная гениальнымъ художникомъ. Его сердечно жаль по человѣчеству и только; онъ братъ нашъ, но братъ младшій, обиженный судьбою, доведенный ею почти до идиотства. Читателю никогда не приходитъ охота поставить себя на его мѣсто или хоть посмотреть на него, какъ на равнаго. Всюгдѣ улыбается при мысли представить себѣ Акакія Акакіевича влюбленнымъ или великодушнымъ, вообще тѣмъ, что въ романахъ называется героемъ. Ну какой онъ герой? Куда ему? Вся жизнь его, хоть и не по его винѣ, такая пустая и ничтожная, что и жизнью то ее нельзя назвать, а развѣ прозябаніемъ. Въ этомъ, положимъ, трагедія, но трагедія человѣ-

ческой жизни вообще; трагедія въ томъ, что масса человѣчества поставлена въ такіе условія, что даже и страданія людей и самая смерть ихъ кажутся малыми и ничтожными.

Не то у Достоевскаго; у него маленькій, забытый «чиновникъ для переписки», изъ имени котораго въ министерствѣ сдѣлали бранное слово, оказывается не только равнымъ намъ, но лучше всѣхъ насъ; такое дѣвственно-чистое, любящее сердце бьется подъ его заштопаннымъ вицмундиромъ и столько пониманія и тонкой изобрѣтательности выказываетъ онъ въ уславленіи жизни несчастной, совсѣмъ для него чужой дѣвушки! А между тѣмъ, при этой сильной идеализаціи самой сущности его природы, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ Макарь Алексѣевичъ остается живымъ, выхваченнымъ изъ сѣренькой дѣйствительности типомъ; онъ и пьянъ напивается до безобразія, и зарокъ даетъ и не исполняетъ ихъ; передъ близкимъ человѣкомъ онъ не прочь и похвастаться своимъ почеркомъ и своими успѣхами по службѣ; у него и изысканія рабій, и мнительность рабья, и рабья поклонность соглашаться съ сильнѣйшимъ во всемъ, кромѣ того, что для него святыня; здѣсь онъ умретъ, а не уступитъ; какъ насѣдка, распушить онъ свои жюкрны перья и вивется въ бой съ цѣлымъ стадомъ прагонъ.

Макарь Дѣвушкинъ бѣдѣе всякаго нищаго, потому что нищій чѣмъ хуже будетъ одѣваться, чѣмъ для него лучше, а чиновнику необходимъ и ирѣшій вицмундиръ и сапоги «для поддержанія чести и добраго имени». Но Дѣвушкинъ, не задумываясь, беретъ подъ свое покровительство несчастную дѣвушку и лелѣетъ ее, какъ любящая мать и какъ самый иѣжный и чуткій сердцемъ любовникъ нищета. Его одинокая, безрадостная жизнь вдругъ ослѣпилась на старости лѣтъ глубокой и чистой привязанностью. Онъ такъ трогательно счастливъ, когда ему удастся чѣмъ нибудь побаловать и на минуту развеселить ее! Еслибъ онъ могъ цѣною жизни вернуть ей разрушенное здоронье и душевное спокойствіе, онъ не задумался бы ни на минуту и даже не счесть бы этого за жертву. Еслибъ она, возродившись къ новой жизни его заботами, оказалась способна полюбить какого нибудь хорошаго человѣка, выдти за него замужъ, шевельнется ли у Макаря Дѣвушкина хоть на минуту завистливое чувство? упрекнетъ ли онъ Вареньку хоть мысленно въ неблагодарности къ нему, Дѣвушкину? Конечно, нѣтъ: онъ

будетъ счастлива чужимъ счастьемъ. Выше этой любви нѣтъ, и быть не можетъ.

Геронима не недостойна такой любви; она обрисована слабѣй, но и она живой человекъ: добрый, умный и прѣзрительный. Грязь, черезъ которую прошла она, не прилипла къ ней, а напротивъ: тѣмъ рѣче выдѣлила ея душевную чистоту. Въ ней еще много жизненныхъ силъ, и теплое участіе одного хорошаго человека могло бы спасти ее. Но вотъ бѣда: денегъ нѣтъ, а чѣмъ быть другому въ тягость, она лучше себя погубить. Отъ 30 рубл. ассигнаціями занести все счастье двухъ человекъ. И какъ они бѣдные бьются, борятся изъ за этого счастья! Какъ мучится читатель, слѣдя за этой трагедіей изъ за рваныхъ сапоговъ и неоплаченного угла! А оторваться нѣтъ силъ: горе стряслось надъ людьми, которые успѣли стать намъ дорогими и симпатичными. Какъ радъ читатель, когда Достоевскій сжался наконецъ надъ геронимой и послалъ добраго генерала, который не только сторублевую бумажку подарилъ, но и сумѣлъ это сдѣлать по человѣчески и деликатно: передъ этимъ всѣхъ изъ кабинета выславъ, а Мазару Алексѣевичу «руку потрясъ, словно ропотъ свой, словно такому же, какъ онъ, генералу».

Кончились всѣ бѣды! думаетъ читатель и взыскаетъ съ облегченіемъ. Не тутъ то было: на сцену явлется г. Быловъ, виновникъ несчастія Вареньки, который со смѣхомъ признается ей, что онъ передъ ней «подлецомъ оказался». «Да вѣдь дѣло житейское»¹⁾. Въ этой фразѣ и въ этомъ смѣхѣ Быловъ сказался весь: это хищный типъ: сухой, безжалостный, циничный, злой, почти всегда эгоистичный; это будущій Сидригайловъ, но не настолько отфранцизованный. При всѣхъ своихъ огромныхъ недостаткахъ онъ не лишенъ чувства правды, но рѣшительно лишенъ способности сдѣлать когонибудь счастливымъ; жену свою, хотя бы онъ и любилъ ее, онъ непремѣнно заколотитъ нравственно, если не физически. Варенька предчувствуетъ это и идетъ за него, покладая Дѣвушкина на тоску одиночества. «Заѣдемъ?» готовъ воскликнуть читатель, озлобившійся наконецъ, на мучителя Достоевскаго. А подумайте сами: что же прикажете ей дѣлать? Лишиться навсегда возможности «возстановить свою

¹⁾ Ид. 1882 г. II, 118.

честь и остаться на руках у нищаго Двухшинна? Развѣ на долго хватить генеральскихъ ста рублей? А выйдутъ они — опять рваные сапоги Мавра Алексѣевича, опять насмѣшки хозяйки, силетни на дворѣ, дерзости ловецасовъ, опять запой Двухшинна; а тамъ для него изгнаніе со службы, а для нея въ лучшемъ случаѣ смерть отъ чахотки. А вѣдь жить то хочется!

Идея повѣсти выражена не въ однихъ герояхъ: ее понимаютъ и чиновникъ Горшковъ, который послѣ долгихъ лѣтъ страданій, не вывезъ маленькой доли счастья и умеръ — отъ радости, и племяннн Покровскій, благоговѣнно любящій своего названнаго сына студента, и расстрогавшій до слезъ при первомъ чтеніи далеко не слезливаго Некрасова, и самъ озлобленный, но честный до болезненности студентъ Покровскій. Эту идею легко выразить въ двухъ словахъ: Какъ бы ни былъ человекъ забитъ и изуродованъ жизнью, какъ бы ни былъ онъ жалокъ и ничтоженъ на видъ, въ немъ можно найти цѣлую сокровищницу беззащитной, о себѣ забывающей, христіанской любви. Эта любовь есть высшее благо и высшая красота на землѣ; но она неразлучна съ страданіемъ, и чѣмъ кто больше любитъ, тѣмъ мучительнѣе и страдаетъ онъ.

Повѣсть написана петиннымъ, хотя еще и малоопытнымъ художникомъ ¹⁾; но только свой талантъ употребляетъ онъ не на то, на что другіе повѣствователи: для нихъ на первомъ планѣ — красота и сила впечатлѣнія, а для него вѣрность. Оттого его повѣсть мѣстами и кажется растянutoй и скучной, какъ часто бываетъ скучна и однообразна сама жизнь. Но его нельзя считать реалистомъ чистаго типа, простымъ наблюдателемъ, фотографомъ жизни: онъ беретъ не среднихъ людей и не обыденную дѣйствительность, а людей особенныхъ и именно самыхъ несчастныхъ и забитыхъ и въ тоже время съ самой тонкой душевной организаціей, и анатомируетъ ихъ душу до крайней ея глубины, въ моменты особенно сильнаго возбужденія ея. Онъ дѣйствуетъ анализомъ, а не синтезомъ, какъ онъ самъ говоритъ, со словъ Бѣлинскаго ²⁾.

¹⁾ Посмотрите, какъ онъ старался дифференцировать языкъ корреспондентовъ или какъ онъ въ письмѣ Вареньки описываетъ осень въ деревнѣ!

²⁾ Письмо отъ 1 февр. 1846 г.

Но возвратимся къ нашему юношѣ, которому мы дали Бѣдныхъ людей непосредственно послѣ Соколова, Гете, Пушкина и Гоголя. Онъ не чувствовалъ наслажденія, читая ихъ; минутами ему было тяжело и больно, минутами — томительно и тоскливо; но онъ не могъ оторваться отъ чтенія, какъ человѣкъ не можетъ оторваться отъ зрѣлища страданій большого друга. По прочтеніи онъ не сталъ свѣтлѣе смотрѣть на міръ божій; но онъ сталъ вдумчивѣе, сталъ глубже и задушевише относиться къ человѣку; онъ лучше понялъ жизнь души; онъ узналъ эту душу не только въ ея здоровомъ равновѣсіи, но и въ состояніи тяжкаго страданія и при томъ такомъ, которое происходитъ не изъ какихъ либо исключительныхъ, трагическихъ причинъ, а отъ мелочей обыденной жизни; а главное: онъ сталъ добрѣе, гуманнѣе. Онъ понялъ, что «нельзя презирать падшихъ, а напротивъ: должно отыскивать и возстановлять», понялъ, какъ «искрѣна общепринятая мѣрка добра и нравственности»^{*)}. Онъ готовъ воззвать къ сытымъ и довольнымъ людямъ вмѣстѣ съ Двухшнникомъ: «Поздно о себѣ одномъ думать, для себя одного жить!» Онъ пойметъ и воззваніе Достоевскаго на пушкинскомъ праздникѣ: «Смирись, гордый человѣкъ! Поработай, праздный человѣкъ!»

Таковы благіе выводы для жизни, а что дали «Бѣдные люди для художественнаго развитія юноши? Его понятіе о поэзіи должно измѣниться или, по крайней мѣрѣ, расшириться: онъ увидѣлъ, что поэтическое произведеніе можетъ доставлять вовсе не наслажденіе, а муку; онъ понялъ, что промѣ поэзіи и психологической можетъ быть и поэзія патологическая и что пробужденіе милости къ падшимъ—ея святая цѣль. Теперь и *Misérables* Гюго и повѣсти Гаршина будутъ вполне доступны и понятны ему.

Успѣхъ, выпавшій на долю Бѣдныхъ людей, могъ бы вскружить голову и самому элегматичному, вполне аристократическому, болѣзненно-самолюбивому и отъ природы и отъ воспитанія, чуть не съ дѣтства страстно преданному литературѣ 25 лѣтней Достоевскій былъ возбужденъ имъ до крайней степени. А къ тому же и время для русской литературы было замѣчательно

^{*)} Изд. 1882 III. 316—7.

хорошее. Пушкинъ именно тогда былъ оцѣненъ всею Россіей¹⁾; были поняты и Лермонтовъ и Гоголь. Достойный истолкователь ихъ, Вяземскій былъ на верху своей славы. Благодаря ему, въ лучшей части нашего общества пробудилось и оцѣнилось такое сознательное отношеніе и такой глубокой интересъ къ произведеніямъ своей и чужой словесности, каковаго мы, пожалуй, напрасно стали бы искать и въ западной Европѣ. Именно въ моментъ появленія «Бѣдныхъ людей» «заиграла литература», по выраженію Достоевскаго²⁾; появился Гончаровъ, привлекъ всеобщее вниманіе талантливыи Герценъ; послышались имена Григоровича, Неврасова, Тургенева. Цензура была строга, но довольно последовательна, и литераторы умели примириться съ ней, а до страшнаго 1848 г. было еще далеко. Закрыты или сужены были все другія сферы умственной дѣятельности, и все что есть на Руси лучшаго, рвется въ литературу.

Юный триумфаторъ, авторъ «Бѣдныхъ людей» бросается въ нее со всею пылостью своей скрытно страстной натуры. Планы самыя грандіозныя тащъ и вилить въ его головѣ. Не кончивши одной работы, онъ хватается за нѣсколько новыхъ. Въ каждомъ последующемъ произведеніи онъ мечтаетъ сдѣлать огромный шагъ впередъ, «затянуть за поводъ» и самого себя и всѣхъ другихъ. До своего ареста въ 1848 г. Достоевскій, по прежнему страшно много читавшій и отдававшій не мало времени «поэтичѣ», написалъ десять повѣстей, которыя заключаютъ въ себѣ 600 стр. самаго убористаго шрифта, не считая множества набросковъ и вещей незаконченныхъ, надъ которыми онъ сидѣлъ иногда цѣлыми мѣсяцами.

Самая обширная изъ этихъ повѣстей, непосредственно слѣдующая за «Бѣдными людьми» — «Двойникъ». Не нее самъ авторъ возлагалъ огромныя надежды и въ началѣ былъ унисно ею доволенъ. Это одна изъ наиболѣе тяжелыхъ, сильнѣй скажу: мучительныхъ вещей Достоевскаго для чтенія и одна изъ самыхъ характерныхъ по содержанію; какъ «Бѣдные люди» — «Шпигелью», такъ «Двойникъ» вдохновленъ «Записками сумасшедшаго» Гоголя, но отличается отъ нихъ крайнею растя-

¹⁾ Известно, что въ 1837 г. изъ дворянства цѣлой губерціи не нашлось ни одного подписчика на первое собраніе его сочиненій.

²⁾ Письма стр. 47.

нностью и несравненно болѣе глубокимъ анализомъ. И здѣсь и тамъ маленький чиновникъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, неприсвой наружности и очень недалежнаго ума, къ тому же ступившій отъ канцелярскаго безмысленнаго работанья, на глазахъ читателя лишается разсудка. Психологическая причина сузасшествія одна и та-же: раздраженное самолюбіе и самоизбитіе, пропленіе одио и то-же — галлюцинація. У Гоголя коротенькій, живой разсказъ блестятъ поразительнымъ остроуміемъ; читатель смѣется до упаду, смѣется, забывая невеселую тему, забывши пожалѣть въ Поприщавѣ человѣка даже и въ то время, когда несчастнаго бьютъ палками и обливаютъ водой: до того смѣшномъ и ничтоженъ герой въ своей чиновничьей гордости передъ «подлыми ремесленниками» и «хаманами» и въ своемъ работаніи передъ Его Превосходительствомъ. Вдругъ — смѣхъ замираетъ и смѣняется глубокимъ состраданіемъ, когда проблескъ разсудка извлекаетъ изъ души испанскаго короля крикъ оскорбленія и душевной боли, и комедія переходитъ въ трагедію. Не разсѣяшить и шипика алжирскаго бѣд, но она, какъ эфемерный алкордъ, заманиваетъ стройную пьеску.

Если «Двойникъ» Достоевскаго прочитати непосредственно послѣ «Записокъ сузасшедшаго», невольно явится мысль, что Достоевскій задумалъ поправить Гоголя, будто онъ обидѣлся на Гоголя за то, что тотъ такую серьезную тему тратировалъ такъ легко и поверхностно. Достоевскій углубилъ характеръ героя «человѣка — тришки, съ непожѣрной амбиціей», удалилъ все черты социальной сатиры, которыя придають столько щедринской соли гоголевскаго повѣсти, прослѣдилъ развитіе психической болѣзни часъ за часомъ, день за днемъ, и вмѣсто красивой маленькой пьесы у него вышелъ серьезный этюдъ въ формѣ разсказа, подробный анализъ, глубина и тонкости котораго удивляютъ психіатры. Онъ, такимъ образомъ, осуществляетъ то, о чемъ давно уже мечтали романтики — объединеніе повѣи и науки.

И глубоко убѣжденъ, что на «Двойникъ» и другія повѣсти Достоевскаго этого періода (а отчасти и на способъ изложенія его великихъ романовъ) имѣлъ вліяніе самый талантливый и популярный у насъ изъ вѣдущихъ романтиковъ — Гюманъ. Достоевскій подобно ему отмежевалъ себя особую психическую область, действительно очень интересную: область неопредѣ-

ленныхъ и несогласныхъ чувствъ и стремленій, необыкновенныхъ болѣзненныхъ ощущеній, предчувствій, противорѣчивъ мысли и слова, мысли и дѣла, раздвоенія человеческой личности и проч. Въ «Двойникѣ» и вижу непосредственно, хотя, можетъ быть, и несознательное самими авторомъ, вліяніе «Крошка Цахеса», гдѣ точно также дѣйствія одного лица переносятся окружающими на другого, гдѣ также ловкій проныра присваиваетъ чужія заслуги.

Отъ Гофмана Достоевскій заимствуетъ, опять таки, можетъ быть, для себя нечувствительно, и манеру писать. Вся, даже и не читавшіе Гофмана, слышали, что работалъ онъ не въ часы полной ясности ума и чувства, а извѣтивъ свои первыя вивомы и безсонницей. Это была не только его личная особенность, но и результатъ теоріи романтиковъ, по которой вдохновеніе обуславливалось отдѣленіемъ художника отъ прозы жизни и отъ невѣроятнаго или разсудка. Достоевскій самъ говоритъ¹⁾, что онъ пользовался моментами болѣзненнаго разстройства нервовъ, чтобы писать: «всегда въ такомъ состояніи пишешь лучше и больше».

Любопытно, что «Двойника» и «Прохарчина» печатаютъ въ же Отеч. Записки, въ которыхъ до тѣхъ поръ напечатаны: «Мейстеръ Фло» (1840 г.) и «Крошка Цахесъ» (1844).

Но и отъ Гофмана Достоевскій удалется въ томъ же направленіи, какъ отъ Гоголя: и Гофманъ прежде всего художникъ, хотя и съ иными задачами; и онъ старается о томъ, чтобы доставить читателю эстетическое наслажденіе; а Достоевскій думаетъ прежде всего о правдѣ, какъ бы она ни была однообразна, некрасива и мучительна для читателя.

Въ «Двойникѣ» и слѣдующихъ повѣстяхъ: «Прохарчинѣ», «Слабомъ сердцѣ», «Чужой женѣ», «Романѣ въ девяти письмахъ», «Елѣ и сватѣ» («Елка и сватѣба» — наиболее стройное и изящное его произведеніе этого періода; «Романъ въ девяти письмахъ» — самое слабое и безцѣльное) Достоевскій изучаетъ тотъ же чиновничій міръ, на который натолкнулъ его Гоголь; но ученикъ идетъ дальше учителя въ двухъ отношеніяхъ. Во первыхъ, типы у него гораздо разнообразнѣе: рядомъ съ жалкими, придавленными до отупѣнія или опустившимися до безпробуднаго

¹⁾ См. письмо изъ prisons къ брату отъ 27 авг. 1849. (стр. 69—70).

пьянства «чиновниками для письма» и надутыми важностью до потери человеческих чувствъ. «Ихъ Превосходительствами» онъ выводитъ чиновниковъ средней величины, обезличенныхъ матеріально и претендующихъ на бонтоность, и болѣзненно-чувствительныхъ мечтателей, въ родѣ Васи («Слабое сердце»), и грубопатыхъ въ видѣ, но добродушныхъ и преданныхъ, счастливыхъ чужимъ счастьемъ людей, въ родѣ Аркадія (тамъ-же), и генераловъ, злобиво-бессердечныхъ, и генераловъ—благодѣтелей, и чиновникъ разнообразныхъ ранговъ и видовъ. А во вторыхъ, Достоевскій глубже изслѣдуетъ эти типы и ихъ душевныя движенія, такъ сказать, въздвигаетъ въ самыя сокровенныя тайники души ихъ, вытаскивая оттуда на свѣтъ божій и всевозможныя мерзости и нечѣстности, и вранья, а иногда и самородны чистаго золота. Съ ревностію пылкаго изслѣдователя, у котораго, что называется, духъ захватываетъ отъ обилія почти нетронутаго матеріала, онъ бросается отъ одной разновидности въ другую и создаетъ интереснѣйшіе психологическіе этюды, то ужасные по своей пагубѣ беззащитности, то глубоки, до болѣзненности трогательные, но никогда не достигающіе художественно-искусности, прелести и законченности повѣстей Гоголя.

Особую группу представляютъ «Хозяйка»¹⁾, «Бѣлая ночь» и «Нечочка Незванова». Это не этюды съ натуры, не физиологическія картины слухащаго Петербурга, а первые наброски пробуждающагося творчества великаго художника. Въ рукѣ его пока нѣтъ вѣрности и твердости; онъ еще не можетъ найти надлежащаго тона; образы его еще не вложены въ душу, еще неслышны ему самому; но въ нихъ уже чувствуется создающая сила; она слышится даже и въ самой тонкой рѣчи, въ оригинальномъ и сильномъ языкѣ. Если бѣ Достоевскій не вернулся изъ Сибири, онъ, конечно, былъ бы давно забытъ, и «Хозяйка» и «Нечочка» и «Бѣлая ночь» такъ и гнили бы въ пыли библіотекъ, въ старыхъ Отеч. Запискахъ, и только извергали бы въ недоумѣніе своего случайнаго читателя. Но теперь эти наброски —

¹⁾ Авторъ цѣнилъ эту повѣсть чрезвычайно высоко; въ письм. по его словамъ, «рудинскіе вдохновенія выбиваются прямо изъ души». А Вѣднскій ту же самую «Хозяйку» въ письмѣ къ Анненкову называетъ «страшной орундой!» Такъ жеглаъ себя великій критикъ за свое прежнее замечаніе.

драгоценности и не только для историка литературы, а для всякого, кто хочет познать и оцнить «Униженных и оскорбленных», «Преступление и наказание» и «Братьев Карамазовых».

Въ «Хозяйка» при всѣхъ ея выдающихся недостаткахъ, мы впервые встречаемъ красавицу женщину изъ народа, будущую Грушеньку Карамазовыхъ, характеръ необычайной силы и оригинальности; въ «Бѣлыхъ ночахъ» и «Неточка» — высоко поэтическое выраженіе себя забывающей, всепоглощающей любви, въ которой и самое страданіе доставляетъ невыразимо сильное наслажденіе. Въ добропорядочномъ и сдержанномъ Петрѣ Александровичѣ «Неточка»¹⁾ нельзя не видѣть князя «Униженных и оскорбленныхъ», тѣлого злодѣя, передъ которымъ минутами и самъ шекспировскій Яго кажется благодушнымъ бонвиваномъ. Въ безыной и злобой отъ гора страдальницъ матери Неточки уже провидится Г-жа Мармеладова; въ самой Неточкѣ — въ зародышѣ Палли и т. д.

Во всѣхъ этихъ 3-хъ повѣстяхъ рѣзко выступаютъ особенности будущаго Достоевскаго; его люди — «люди съ судорожно напряженной волей и внутреннимъ безсиліемъ», люди, которымъ обида и униженіе доставляютъ болѣзненное наслажденіе, люди, которые въ себѣ самихъ не могутъ отдѣлать любви отъ ненависти, сами себя не понимаютъ, сами себя пугаютъ, себя самихъ «смыслить не могутъ».

«Неточка Пезванова» осталась незаконченной вслѣдствіе катастрофы, постигшей Достоевскаго: въ ночь на 23 апрѣля 1849 г. онъ былъ арестованъ по дѣлу Петрашевскаго, посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, а черезъ 8 мѣсяцевъ, послѣ выслушанія смертнаго приговора и помилованія, сосланъ въ каторжные работы, откуда черезъ 4 года вышелъ рядовымъ въ сибирскіе батальоны. Я не буду говорить ни о дѣлѣ петрашевцевъ, ни объ участіи въ немъ Достоевскаго, такъ какъ не знаю его біографіи. Но я не могу не коснуться все еще спорнаго вопроса о томъ, какъ повліяло на его характеръ, на его убѣжденія, а стало быть и на его творческую дѣятельность это страшное испытаніе.

¹⁾ По обработкѣ формы въ цѣломъ «Неточка» ниже самой заурядной повѣсти того времени; во въ некоторыхъ сценахъ и деталяхъ (напр. изображеніе собаки Фальстафа на стр. 628) явны проблески гениальной силы.

Достоевскій до несчастія былъ не только оригинальный и крупный писатель, но и на рѣдкость хорошей человѣкъ: безусловно честный, правдивый, отзывчивый на чужое горе до полного забвенія собственныхъ интересовъ ¹⁾, замѣчательно развитой, тонко чувствующій и энергичный въ излюбленной имъ работѣ; но онъ не былъ счастливъ и не умѣлъ дѣлать счастливыми окружающихъ его. Онъ былъ болѣзненно раздражителенъ и самолюбивъ. Онъ еще въ ранней юности любилъ мучить себя, какъ самъ рассказываетъ: получить данно ожидаемое письмо отъ нѣжно любимаго брата и четверть часа не распечатываетъ его ²⁾. Онъ самъ не одинъ разъ ловить себя на невозвратительномъ самохвальствѣ, а его биографъ не можетъ не замѣтить въ его письмахъ постоянныхъ скачковъ отъ крайней самонадѣнности къ полному паденію духа, какъ не можетъ не замѣтить мнительности, нетерпѣливости, неумѣнья справиться съ собою и вѣдливости обвинять людей по мѣрѣ того уваженія, съ которымъ они къ нему относятся. Онъ, конечно, преувеличиваетъ, называя свой характеръ «сквернымъ и отталкивающимъ», но то, что пишетъ онъ о своихъ дурныхъ минутахъ, когда онъ дителъ на самыхъ близкихъ и дорогихъ людей и оскорбляетъ своей заносчивой гордостью кроткаго Михаила ³⁾, непременно правда. Оттого онъ и умѣетъ такъ хорошо изображать такіе болѣзненно раздражительные, неровные, если можно такъ выразиться, и етеричные характеры, что самъ въ свое несчастіе, обладаетъ таковыми. Для людей съ такимъ характеромъ, если они обладаютъ душевной силой, — серьезное испытаніе и даже страданіе можетъ принести огромную пользу. Но все хорошо въ мѣру; Достоевскому же на долю выпало нѣчто чрезвычайное, и если и признать, что судьба оказалась къ нему не мачихой, а «суровой матерью», то необходимо добавить, что суровость ея дошла до жестокости. Достоевскій выказалъ силу безпримѣрную: онъ выдержалъ, не сломился, но не надломиться онъ не могъ.

¹⁾ Припомнимъ, какъ по разсказу Ризенкампфа онъ, будучи кругомъ въ долгахъ, знакомая съ бѣдняками, будто-бы для изученія ихъ быта, и раздавалъ имъ свои послѣдніе деньги.

²⁾ См. письмо отъ 1 янв. 1840 г.

³⁾ Письмо отъ 1847 г.? (стр. 62—3).

Восьмидесячное одиночное заключеніе, приговоръ на Семеновскомъ плацу, замѣне путешествіе по безчисленнымъ этапамъ, а тамъ на мѣстѣ жизни, полная необразимыхъ для непривычнаго человѣка лишений, грязь нравственная и физическая, одиночество въ толпѣ невольныхъ сожителей, ежеминутная опасность подвергнуться оскорбленію отъ каждаго унтера, позорному наказанію отъ всякаго капризнаго офицера — все это выдержалъ Достоевскій, и со всемъ этимъ онъ справился; въ немъ оказалась такая нравственная цѣлостность, такое настойчивое желаніе и такое упорное жить, какихъ онъ самъ не ожидалъ отъ себя. Онъ сказалъ себѣ, что желаетъ выйти изъ каторги не калѣкой, а здоровымъ человекомъ, и ради этого, несмотря на насмѣшки товарищей, онъ работалъ гораздо больше, чѣмъ отъ него требовалось, чтобы развить въ себѣ силу мускуловъ, стараясь быть какъ можно чаще на воздухѣ; и онъ достигъ цѣли: изъ Мертваго дома онъ вышелъ болѣе здоровымъ физически, чѣмъ вошелъ туда. Читаямъ Евангелія и размышленіемъ онъ поддерживалъ въ себѣ по возможности бодрость духа, и, какъ самъ говоритъ, излѣчился отъ своей хондріи¹⁾. Мало этого: въ то время, какъ его товарищи по несчастію сдѣлались убиты въ себя, ничего не видѣть и слышать, что дѣлалось въ отвратительной казармѣ, и вълѣдствіе этого выносилъ съ каторги только озлобленіе и сожалѣніе о безвозвратно погибавшихъ лучшихъ годахъ жизни, Достоевскій усиленно работалъ умомъ и сердцемъ, горько присматриваясь къ окружающимъ его людямъ, старательно изучилъ ихъ и анализируя, и онъ вынесъ изъ каторги такое знаніе русскаго человѣка, какое имѣли немногіе, и вынесъ наиболее художественное, единственное свое классическое произведеніе — «Записки изъ Мертваго дома».

Тѣмъ не менѣе я утверждаю, что перенесенное имъ страшное несчастіе надломилъ его: непосредственно по выходѣ изъ каторги это чувствуется въ его письмахъ къ братьямъ и друзьямъ.

Странное впечатлѣніе производятъ эти письма: отрадное и въѣсть съ тѣмъ тяжелое; живая и хорошая душа точно вышла изъ ногали на свѣтъ божій; она осталась такой же хорошей.

¹⁾ Письмо 9 марта 1857 стр. 30 июля 1854 г.

даже пожалуй еще лучше стала, но ова какъ то принижена, придвлена; сѣтливый умъ будто отдыхаетъ послѣ своей ужасной борьбы за существованіе и только постепенно расширяетъ свои крылья.

Сперва Достоевскій погруженъ всецѣло въ мелочи обыденной жизни, въ устройство своего солдатскаго быта и въ свои семейныя дѣла: братъ Михаилъ для него «благодѣтель»; сестры, которыхъ не забыли его «горемычнаго» — ангелы; онъ убѣдительно проситъ свѣдѣній о московскихъ рождественникахъ, которыми прежде, повидимому, не интересовался. Скоро начинаются усиленные просьбы и хлопоты о деньгахъ, впрочемъ не для себя, а для другого....

Черезъ 5 лѣтъ отсутствія авторъ «Бѣдныхъ людей» и другъ Влиссенаго возвращается въ русскую литературу. Можно себя представить, съ какою жадностію накидывается онъ на все, что появилось новаго во время этого отсутствія!

Въ письмахъ изъ Сенипалатинска (въ сожалѣнію, очень немногочисленныхъ) Достоевскій сообщаетъ свои сужденія о новыхъ для него писателяхъ, и сужденія эти доказываютъ, что умъ его не ослабѣлъ и не притупился, напротивъ, будто приобрѣлъ особенную прозорливость.

Въ письмѣ къ А. Н. Майнову отъ 18 янв. 1856 г. онъ высказываетъ между прочимъ свое мнѣніе и о Писемскомъ, съ произведеніями котораго онъ только что познакомился. Я приведу этотъ отрывокъ цѣликомъ: «Скажу вамъ и свои излюбленія: Тургеневъ мнѣ нравится наиболѣе — калъ только, что при огромномъ талантѣ въ немъ много невыдержанности¹⁾. Левъ Толстой мнѣ очень нравится, но, по моему мнѣнію, много не напишетъ (впрочемъ, можетъ быть, и ошибаюсь). Островскаго совсѣмъ не знаю, ничего не читалъ въ цѣломъ, но читалъ много отрывковъ въ разборахъ о немъ. Онъ, можетъ быть, знаетъ извѣстный классъ Руси хорошо, но, мнѣ кажется, онъ не художникъ. Къ тому же, мнѣ кажется, онъ поэтъ безъ идеала²⁾.

¹⁾ Тургеневъ Д—ій зналъ и до катастрофы, восхищался его Андреемъ Колосовымъ и восхищался самимъ авторомъ до «влюбленности». См. письмо отъ 16 ноября 1845 г. (42 стр.).

²⁾ Курскъ въ подлинникѣ.

Разуиѣрьте меня, пожалуйста; пришлите мнѣ, ради Бога, что получше изъ его сочиненій, чтобъ и могъ знать его не по однимъ критикамъ. Писемскаго я читалъ «Фанааронъ» и «Богатый женихъ» — больше ничего. Онъ мнѣ очень нравится. Онъ уменъ, добродушенъ и даже наивенъ; рассказываетъ хорошо. Но одно изъ немъ грустно: спѣшить писать. Слишкомъ скоро и много писать».

Очѣнувъ духомъ, начавъ усиленно работать, Достоевскій изъ своего прекраснаго далека зорко слѣдитъ за Писемскимъ. Онъ, повидному, въ немъ преимущественно усматриваетъ себя соперника. Свое мнѣнiе о немъ онъ измѣняетъ къ худшему. Вотъ что онъ пишетъ брату, спустя два года слѣдомъ (31 мая 1858 г.), по прочтенiи двухъ первыхъ частей «Тысячи душъ»:

«У насъ теперь даютъ большую плату. Значитъ Писемскій получилъ за «Тысячу душъ» 200 или 250 руб. съ листа. Этакъ можно жить и работать не торопясь. Но неужели ты считаешь романъ Писемскаго прекраснымъ? Это только посредственность и хотя золотая, но только все таия посредственность. Есть ли хоть одинъ новый характеръ, созданный, никогда не являвшийся? Все это уже было и явилось давно у нашихъ писателей — новаторовъ, особенно у Гоголя. Это все старыя темы на новый ладъ. Превосходная идея по чужимъ образцамъ. Сазиковская работа по рисункамъ Бенвенуто Челлини».

Чтобы оцѣнить объективную справедливость этихъ сужденiй, мы должны обратиться къ началу литературной дѣятельности Писемскаго. Писемскій дѣлается извѣстнымъ писателемъ въ томъ самомъ году, когда Достоевскій совершаетъ свой путь по этапамъ Сибири въ Мертвый домъ.

По окончанiи курса въ 1844 г. Писемскій сейчасъ же поступилъ на службу въ родную Кострому и съ небольшими перерывами служилъ тамъ до 1853 г.; онъ былъ и чиновникомъ особыхъ порученiй при губернаторѣ, и ассесоромъ губернскаго правленiя, служилъ и въ палатѣ государственныхъ имуществъ. Онъ дѣйствительно служилъ, а не числился, и служба давала ему возможность сталкиваться съ самыми разнообразными типами и изъ губернскаго общества, и изъ помѣщиковъ, и изъ народа. Одинъ изъ его прiтелей (Алиазовъ) говоритъ, что онъ особенно былъ полезенъ, какъ слѣдователь по уголовнымъ дѣ-

ламъ. «Тутъ онъ изучалъ каждаго преступника, какъ изучаетъ добрый и старательный врачъ каждаго больного; остался буквально и неумолимо вѣренъ закону, онъ относился къ допрашиваемому преступнику съ такимъ участіемъ, съ такою любовью, что и тотъ начиналъ любить его, и рассказывать про себя все, потому только, «что ужь онъ больно хорошій и умный баринъ». Нужно ли говорить, какою драгоценнымъ матеріаломъ представляли для будущаго знаменитаго реалиста эти отаровенныя призванія?

Вступитъ на литературное поприще Писемскій пытался еще въ 1847 г.: онъ послалъ въ Отеч. Записки большую повѣсть «Боярщина» и въ мѣнѣ уважаемый, почти умирающій Сынъ Отечества—рассказъ «Нина». «Боярщина» была съ удовольствіемъ принята редакціей, но запрещена цензурой, а «Нина» хотя и была напечатана (юль 1848 г.), но въ такомъ изуродованномъ видѣ, что авторъ нивогда не перепечатывалъ ея впоследствии. Вскорѣ послѣ этого Писемскій женился (1848 г.) и всецѣло отдался службѣ, оставивъ поза надежду сдѣлаться писателемъ.

Мимоходомъ замѣчу: Писемскій впоследствии заявилъ, что «Боярщина» была запрещена, какъ «протестъ противъ брака». Это словечко было подхвачено критикой, и изъ Писемскаго, въ романахъ и повѣстяхъ котораго часто встрѣчаются несчастные браки (желалъ бы я знать, въ чьихъ семейныхъ романахъ они не встрѣчаются?) сдѣлали какого то жоржъ—зандиста и протестанта противъ этой основы общества. Но вслѣдствіе, кто читалъ «Боярщину» — она была напечатана въ 1857 г., можетъ быть, и въ исправленномъ нѣсколько видѣ, но, конечно, безъ измѣненія основной идеи и характеровъ — согласенъ, что героиня Анна Павловна вовсе не изъ тѣхъ неудержимо-свободныхъ натуръ, которыя не могутъ выносить стѣсненій, загагаемыхъ бракомъ: это доброе, претвое, привычное созданіе, къ тому же нѣмка по происхожденію и по сантиментальности, не только не способная возмущаться противъ краеугольнаго установленія, но готовая претерпѣть все за идею семьи; она и отъ мужа сторонится только потому, что тотъ ругаетъ при ней ея отца, для котораго она принесла себя въ жертву. Со всякимъ сколько нибудь сноснымъ мужемъ, она прожила бы всю жизнь безъ нѣлѣпнѣйшей попытки «буктовать». Виновата ли она, что судьба послала ей зѣвря, который ее большую выбрасываетъ изъ дому, въ деревнѣ, гдѣ нѣтъ ни гостиницы, ни друзей, гдѣ ей бук-

нально некуда дѣваться, кромѣ дома Ельчанинова? А когда она умерла, ее похоронилъ только бѣднякъ Савелій да ее разбитый парализованъ мужъ. Гдѣ же здѣсь протестъ противъ брака? Нѣтъ никакого протеста и въ другихъ романахъ Писемскаго, гдѣ всѣ женщины, которыхъ авторъ выставляетъ порочными, остаются вѣрны долгу даже и при легкомысленныхъ и плохихъ мужахъ; а въ повѣсти: «Виновата ли она?» авторъ прямо заявляетъ отъ себя (конечно, не изъ страха цензуры): «Имѣнить своему долгу, на какомъ бы то ни было основаніи, — преступокъ для женщины, за который ихъ осудить и общественное мнѣніе и собственная совѣсть» (Изд. Стелл. стр. 253—4).

Я не знаю обстоятельствъ дѣла: можетъ быть цензоръ и сослался на нарушение брака героемъ и героиней; но я глубоко убѣжденъ, что это только наивная придирка, возможная потому, что подсудный, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, былъ безотвѣтенъ, а причина запрещенія—графъ Сантъа, вельможа, чуть не министръ, отдающій приказы губернскаго властнаго и изъ деревни распоризающійся опредѣленіемъ чиновниковъ въ Петербургѣ. Ну какъ, разсуждалъ робкій цензоръ, кто нибудь изъ вельможъ съ польскою фамиліею приметъ это на свой счетъ: ой! ой! что со мной будетъ! Да и помимо того: какъ можно государственнаго мужа выставить въ такомъ некрасивомъ видѣ? Видъ это потрясаніе основъ! Запретить непременно, а приличія спасти и предлогъ выставить какой попалъ!

Какъ бы то ни было, но «Боярщина» не прошла; цензура съ 1848 г. сдѣлалась гораздо строже прежней, а Писемскій въ то время вовсе не горѣлъ такою страстью къ литературѣ, какъ Бѣлинскій или Достоевскій; онъ бросилъ начатую имъ большую повѣсть «Тюнякъ» и отдался другой дѣятельности.

Въ 1850 г. старый Москвитининъ попадаетъ въ руки друга молодыхъ литераторовъ; некоторые изъ нихъ знали «Боярщину» въ рукописи и предложили Писемскому, недавно смѣнявшему постъ чиновника—слѣдователя на болѣе спокойную и однообразную службу ассесора, принять участіе въ журналѣ. Писемскій согласился; онъ окончилъ «Тюнякъ» и послалъ его. Повѣсть была напечатана и имѣла успѣхъ, даже не столь громкій, какъ «Бѣдные люди», но тѣмъ не менѣе несомнѣнный. Поощренный этимъ, Писемскій проявляетъ необыкновенную энергію и плодотворность и въ продолженіи четырехъ лѣтъ печаетъ

тасть рядъ повѣстей, очерковъ и разсказовъ, одинъ романъ («Богатый женихъ») и двѣ комедіи.

Онъ настолько увлеченъ литературой, что въ 1853 г. выходитъ въ отставку и переселяется въ Петербургъ.

Чѣмъ понравилась публикѣ и критикѣ первая повѣсть Писемскаго? Разнорѣчія быть не могутъ: вѣрностью и живостью воспроизведенія нашей негражданной дѣятельности.

Сюжетъ повѣсти простъ до пошлости: молодой человѣкъ, честный, неглупый, добрый, но лишенный энергіи и совсѣмъ незнающій жизни, необдуманно женится на пошлаой провинціальной барышнѣ, которая выходитъ за него почти съ отвращеніемъ, но припаду родителей; узнавъ настоящій характеръ своей красавицы жены и ея чувства къ себѣ и другимъ, Бешметевъ спивается съ кругу. Также проста и второстепенная интрига: сестра Бешметева, которую судьба соединила съ легкомысленнымъ кутилой и хвастуномъ (очень напоминающимъ Ноздрева) любитъ другого, но послѣ борьбы остается вѣрна своему долгу и—переводитъ имѣніе на дѣтей.

Но дѣло здѣсь, конечно, не въ сюжетѣ, а въ необыкновенно тонкой обрисовкѣ характеровъ и въ такомъ изображеніи жизни, которое, представляя значительный эпическій интересъ, доводитъ читателя до полнѣйшей иллюзіи. Съ первыхъ же страницъ вы забываете, что у васъ въ рукахъ романъ, вымыселъ: все, что разсказываетъ авторъ — а разсказываетъ онъ, какъ замѣтилъ Достоевскій, мастерски: просто, безъ претензій, но съ большимъ юморомъ — вамъ представляется до того живымъ, будто это происходитъ съ людьми, которыхъ вы только случайно не знаете, но подобныхъ имъ вы встрѣчали цѣлая сотня.

Вотъ какъ начинается «Тюфякъ»:

«Однажды — это было въ концѣ августа — Перепетуя Петровна уже очень давно наслаждалась послѣобѣденнымъ сномъ. Въ спальнѣ было темно, какъ въ закупоренной бочкѣ. Средство это употреблялось ради спасенія отъ мухъ, необыкновенно злыхъ въ этомъ мѣсяцѣ. Часу въ шестомъ Перепетуя Петровна проснулась и пробыла нѣсколько минутъ въ томъ состояніи, когда человѣкъ не знаетъ еще хорошенько, проснулся онъ или нѣтъ, а потомъ старалась припомнить, день былъ это или ночь; однимъ словомъ она заснула, что, какъ извѣстно, часто случается, съ здоровыми людьми, легшими послѣ сытнаго обѣда успокоить свое брѣв-

ное тѣло. Это полусознательное состояніе Перепетуи Петровны было прервано приходомъ горничной дѣвки со сафчей.

Палашка! Это ты? сказала барыня, жмури глаза, которымъ, видно, было непріятно ощущеніе сафта.

— Я, матушка.

— Что тебѣ?

— Особлѣсть Савишна прѣехали.

— Что же ты, дура, давно мнѣ не скажешь, проговорила Перепетуя Петровна, вставая проворно съ постели, насколько можетъ проворно встать женщина лѣтъ около 50-ти и удивъ шести пѣса, а потомъ, надѣвъ передъ зеркаломъ траурный тюленый чепецъ съ печальнымъ лицомъ, медленнымъ шагомъ вышла въ гостиную. Гости и хозяйка молча поцѣловались и ушлись на диванѣ.

— Я въ моемъ горестномъ положеніи, сказала печальнымъ тономъ Перепетуя Петровна, сижу больше тамъ у себя, даже съ закрытыми окнами: какъ-то при сафтѣ-то еще грустите!>
И т. д.

И вотъ Перепетуя Петровна передъ нами вся на лицо, какъ живая. Въ дальѣйшемъ ходѣ разсказа эта Перепетуя Петровна (тетка герон) при всей своей ничтожности играетъ видную и даже фатальную роль: она, дѣйствуя свойственными ею грубымъ нахраномъ и наивнымъ лицемеріемъ, заставляетъ Павла порвать все свои записки и конспекты и отказаться отъ мысли готовиться на магистра (а онъ изъ такихъ людей, что только въ кабинетной работѣ и былъ бы на своемъ мѣстѣ); она знакомитъ Павла съ Куряевыми; она впоследствии является виновницею серьезной ссоры супруговъ и т. д. А между тѣмъ она вовсе не злая женщина и по своему искренно любитъ и мать Павла, и сестру его и даже его самого, несмотря на его непочтительность. Даже и глухой ее нельзя назвать; а только она — пошлость воплощенная; вотъ и все тутъ.

Въ этомъ отношеніи на нее очень похожи почти все остальные лица пьесы; все они вовсе не злодѣи; напротивъ: по мнѣнію своихъ знакомыхъ и друзей — очень, очень порядочные люди; а по нашему — мелкіе эгоисты и пошляки до послѣдней степени; но при этомъ каждое изъ нихъ имѣетъ и свою совершенно особую сизисомію. Подобно тому, какъ въ «Ревн-

зорѣ», все угадывалъ вѣсти — и взятчичики и пошляки, а развѣ кто можетъ смѣшать Ляпкина Тяпкина съ Земленикой?

Писемскій—примой ученикъ и наследникъ Гоголя, который опредѣляетъ программу всей послѣдующей реальной литературы знаменитыми словами: «Легко изображать характеры большого размаха: тамъ просто бросай краски со всей руки на полотно: черные палице глаза, нависшія брови, перерѣзанный морщинами лобъ, перекинутый черезъ плечо черный или алый, какъ огонь, плащъ, — и портретъ готовъ; но вотъ эти всѣ господа, которыхъ много на свѣтѣ, которые съ виду очень похожи между собою, а между тѣмъ, какъ приглядываешься, увидишь много самыхъ неудобныхъ особенностей,—эти господа страшно трудны для портретовъ. Тутъ придется сильно напрягать вниманіе, пока заставишь передъ собою выступить всѣ тонкія, почти невидимыя черты, и вообще далеко придется углублять уже изощренный въ наукѣ испытыванія взглядъ».

У Писемскаго есть такой «изощренный въ наукѣ испытыванія взглядъ», и онъ, какъ способный ученикъ, въ одномъ отношеніи идетъ даже дальше гениальнаго учителя: Гоголь вѣтъ —вѣтъ да и покажетъ изъ за выводныхъ имъ на сцену фигуръ свой длинный и острый носъ и свои пронзительныя, насмѣшливыя глаза, а Писемскій во того уходитъ въ свою работу приглядыванія, испытыванія и потомъ воссозданія, что совсѣтъ скрывается за своими созданіями. Онъ весьма иврами отпрещивается отъ претензій поучать читателя, а только даетъ ему факты: «на-ка молъ, клади въ иѣшокъ, а дома разберешь, что тебѣ пригодно и что иѣтъ!»¹⁾

Вотъ это-то и разумѣлъ, и думаю, Достоевскій, говоря, что Писемскій «умень, добродушевъ, даже наивенъ». Эта наивность иваче называется объективностью; она—неотъемлемое свойство всякаго здороваго, воолнѣ аническаго произведенія. Это—наивность Гомера, наивность народныхъ сказокъ и быльицъ, наивность Сервантеса. Достоевскій не чувствуетъ себя способнымъ къ ней да и не желаетъ этого. Но онъ настолько умень и справедливъ, что цѣнитъ ее изъ другихъ.

¹⁾ Письмо его къ О. Н. Буслаеву отъ 3 ноября 1847 (Пантеевъ 1889. Собр. Мѣт. 2). Ср. статью Писемскаго о Гоголѣ.

Талантъ же способнымъ усвоившемъ Гоголя является Писемскій и въ послѣдующихъ своихъ повѣстяхъ и романахъ изъ дворянскаго и чиновничьяго быта: «Братъ по страсти», «Кожинъ», «Богатый женихъ» «Мгъ Батмановъ», «Фанзаровъ»; онъ почти нигдѣ не повторяетъ учителя, но усваиваетъ его методъ и разрабатываетъ темы, мало имъ затронутыя или выдвинутыя послѣ него русской жизнью.

Вы поймете, конечно, знаменитое раздѣленіе губернскаго общества въ 1-й главѣ Мертвыхъ Душъ на тоненькихъ и толстыхъ; Гоголь въ своей знаменитой повѣсти, по крайней мѣрѣ въ 1-й ея части, занимается толстыми; Писемскій же принимается за тоненькихъ, а такъ какъ эти тоненькіе все больше «унижаются около дамъ» и, преимущественно въ ихъ обществахъ, «проявляютъ каждый свои наклонности», то — и за русскихъ дѣвицъ и барынь, которыхъ Гоголь обѣгалъ такъ старательно.

За то въ этой области Писемскій встрѣтился съ гениальными предшественниками съ которыми онъ не могъ не считаться, тѣмъ болѣе, что на произведеніяхъ ихъ онъ и самъ былъ воспитанъ: разумно авторовъ Оуигина и Героя нашего времени, и здѣсь же столкнулся онъ съ высоко даровитыми сверстниками, продолжателями дѣла Пушкина и Лермонтова; назову хотя Тургенева и Гончарова. Результатъ получился такой: Писемскій воспользовался богатымъ (не по количеству, а по качеству) матеріаломъ, ему улаженнымъ, оставивъ его новыми данными, доставленными ему жизнью, но остался вѣренъ методу и точкѣ зрѣнія любимаго учителя.

Уже въ первой повѣсти Писемскаго роль гения разрушителя въ двухъ супружествахъ играетъ Бахтіаровъ, близкое родство котораго съ Печоринымъ не подделитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Немного поздѣе Писемскій посвящаетъ тому же типу цѣлую повѣсть («Мгъ Батмановъ») и разрабатываетъ его съ свойственнымъ его таланту тщательностью и рельефностью, но, вотъ что любопытно: безъ обычной ему объективности или, какъ называетъ Достоевскій, наивности: видно тенденція; видно стремленіе потребить запоздавшихъ Печориныхъ или, по крайней мѣрѣ, сорвать съ нихъ лохмотья ихъ чайльдгарольдова плаща и показать ихъ нравственный индифферентизмъ и ихъ безсознательный эгоизмъ во всей неаппетитной наготѣ. Писемскій въ этой по-

вѣсти вовсе и не скрываетъ своего намѣренія развѣчать «героя нашего времени»: у Батманова — Печорина здѣсь есть свой Грушницкій — Капривскій; здѣсь есть и Вѣра — М-ше Наумова, и княжна Мери — М-ше Бетси, и все это прѣо написанныя, живыя фигуры; но различіе между ними и ихъ прототипами тоже, что между поэзіей и гриневенской прозой, то различіе, которое такъ мѣтко и сильно выражено въ монологѣ сатаны у Алены Толстого:

Вѣдь каждый данный пунктъ, характеръ или лицъ,
Мы можемъ мысленно, по нашему капризу,
И въ верху продолжать и въ низу.
Я часто самъ отъ скуки наблюдаю,
Какъ иногда моя мѣняется натура:
Взберусь на верхъ — я мрачный идеалъ;
Спускаю внизъ — карикатура и т. д.

Писемскій и успѣваетъ спустить все эти идеалы, какъ можно ниже, не переходя однако предѣловъ вѣроподобія. Въ соответствии съ характерами и развилка; княжна Мери съ превеликою удовольствіемъ выходитъ за мужъ по расчету; Вѣра кокетничаетъ съ Грушницкимъ; самъ Грушницкій лишается — не жизни на дуэли, а ерава на провинціальномъ балу, а всего характерѣ судьба самого Печорина. Вотъ чѣмъ онъ кончилъ: «Года черезъ полтора Батмановъ сдѣлался кореннымъ сибирякомъ. Онъ управляетъ дѣлами одной пожилой и очень богатой вдовы, купчихи, живетъ у нея въ домѣ, ходитъ весь залитой въ брилліантахъ, носитъ черное платье, задиръ по городу на кровныхъ рысакахъ и поитъ общество на убой шампанскимъ. Чѣмъ, подумаешь, не разрѣшалось русское разочарованіе!»

И такъ не удержався, какъ вы видите, и Писемскій отъ стремленія поучать читателей, за которое онъ такъ жестоко возстаетъ на 2-ю часть «Мертвыхъ душъ». Но пока у него это рѣдкій случай, объяснимый соперничествомъ двухъ поколѣній: ужъ слишкомъ близки университетскихъ людей 40-хъ годовъ подражатели Печоринныхъ изъ отставныхъ офицеровъ.

Но Писемскій не шадитъ и новаго человека, который пришелъ на смену Печоринныхъ и Грушницкимъ. Этотъ новый че-

ловѣкъ образованный и какъ будто благороднѣй прекиныхъ героев: «науку страсти нѣжной» онъ въ грошъ не ставитъ; ухаживать за женщинами ради удовлетвореній своего самолюбія и властолюбія онъ считаетъ подлостью. Онъ призываетъ въ себя гражданина и возмущается грязнымъ эгоизмомъ окружающаго его общества. Если у него есть крестьяне, онъ собирается заняться устройствомъ ихъ быта; онъ собирается заняться и наукой, и литературой, и серьезной общественной дѣятельностью; но, въ сожалѣнію, все только соби р а е т с я, какъ Тютетиничевъ соби р а е т с я писать книгу о Россіи. Онъ хорошо говорить и о дѣлѣ и о чувствахъ, но дѣла не дѣлаетъ, а чувства имѣетъ только пассивныя и отрицательныя. Онъ свободенъ отъ беззащитнаго эгоизма Печоринныхъ и Батмановыхъ, но лишены ихъ молодечества, удали и смѣлой правдивости. Онъ также любитъ рисоваться, похвастаться и позирова обманываетъ не только другихъ, но и самого себя. Въ сущности онъ также бесполезенъ для общества и также пагубенъ для женщины, которая имѣетъ несчастье полюбить его. Разница только въ томъ, что Печорина или Батманова обманутая женщина будетъ ненавидѣть, а Ельчанинова или Шамилова — презирать и, пожалуй, отчасти жалѣть. Но такая жалость, сдѣланная съ презрѣніемъ, едва ли не больше разбииваетъ вѣру въ людей, чѣмъ ненависть.

Ельчаниновъ и Шамиловъ — разновидности того же типа, который встрѣимъ намъ такъ хорошо повѣстель по «Дневнику лишняго человека», «Гамлету Щигровскаго уѣзда» и главное — по Рудину. Какъ уже давно указано, Писемскій по времени обогналъ Тургенева, а по способу обрисовки между Рудинимъ и Шамиловымъ такая же разница, какъ между Печоринимъ и Батмановымъ; и здѣсь мы видимъ идеалъ, спущенный къ низу; и здѣсь будто картина расколевской школы перерисована ученикомъ Теньера. Очевидно, дѣло не въ предвзятости автора, а въ направленіи его таланта. При такомъ направленіи трудно рисовать хорошихъ людей, такъ называемые положительные типы, и ихъ, дѣйствительно, мало у Писемскаго, да и тѣ въспомогаютъ отзывъ Собакевича о прокурорѣ. Хорошій и умный у него человекъ Рымовъ въ «Коптѣ», да горькій

пьяница; хорошій юноша Леонидъ въ повѣсти «Винювата ли она?»¹⁾ да злѣтый отчаянный; хорошій человекъ Савелій въ «Богрщицѣ», да ужъ близкомъ ограниченный.

Женщины у Писемскаго, какъ и у Тургенева и у Гончарова, лучше и нравственно чище мужчинъ; и онѣ, конечно, написаны той же тенберовской кистью, но въ нихъ больше порядочности и искренности, и въ нихъ больше силы сопротивленія окружающей грязи и пошлости. Онѣ часто колеблются, иногда даже падаютъ, но доброе начало все же подъ конецъ беретъ верхъ. Таковы его «героини». Второстепенныя и третьестепенныя лица бываютъ, какъ говорится, со всячкиной; есть и провинціальныя нравственно неоправданныя кокетки; есть и столичныя «львицы», которыхъ довольно бѣло преслѣдуетъ авторъ за ихъ наивную и вышнюю эманципацію, состоящую въ куреніи крапивыхъ папирозъ и истребленіи шампанскаго стакавами. Но и въ нихъ указываетъ Писемскій проблески искреннаго чувства и свѣтлаго ума и съ ними мартитъ онъ читателя. Не-примарно-злыми оказывается онъ въ старухамъ и полу-старухамъ пуританкамъ, которыя съ великимъ наслажденіемъ распинаютъ чужія репутаціи, а свои прошедшіе и настоящіе грѣхи прикрываютъ лицемеріемъ и ханжествомъ. Читатель, конечно, не сердится на автора за этотъ праведный гнѣвъ.

Гораздо болѣе сильное и полное впечатлѣніе производятъ равнія повѣсти и очерки Писемскаго изъ народнаго быта: въ умѣнѣхъ изображать великорусскаго мужика положительно въ то время не было ему равнаго, да и можно сомнѣваться въ томъ, далеко ли ушли отъ него впередъ наши народники 60-хъ и 70-хъ годовъ.

Здѣсь Писемскій уже не ученикъ Гоголя, а самъ по себѣ. Можно ли сравнивать карриатурныя гоголевскія фигуры дядей Митлевъ и Минлевъ съ мастерскими, написанными съ такою душевною теплотою изображеніями востроумскихъ мужиковъ Писемскаго? Онъ какъ будто совсѣмъ преображается, когда входитъ въ этотъ родной и симпатичный ему міръ (не даромъ хорошо знавшій и искренно любившій его Анненковъ самого его назы-

¹⁾ Повѣсть эта вышла въ 1855 г. и Чернышевскій въ Современникѣ назвалъ ее лучшимъ произведеніемъ за этотъ годъ.

ваетъ чистымъ типомъ умнаго безнорусскаго мужика): онъ опазывается способнымъ создавать характеры высоко героическіе, моменты глубоко трогательныя, страсти сильныя и въ тоже время цѣломудренныя.

Да, какъ ни странно, кажется это слово въ произведеніи въ Писемскому, и рѣшаются утверждать, что его Петръ въ «Плотничьей артели» и даже его вундта — Питершикъ — люди съ цѣломудренными страстями, несмотря на всю наивную рѣзкость рѣчей своихъ. Но онъ остается самимъ собою въ томъ отношеніи, что ни на йоту не подрашиваетъ дѣйствительности, не допускаетъ никакихъ натяжекъ и слащавости. Что мужицкая рѣчь у Писемскаго обладаетъ необъяснимой тишичностью и мѣткостью, это признавали и въ концѣ 60-хъ годовъ самые горячіе его противники. Что его мужицкіе характеры отличаются почти монументальной законченностью и выразительностью, признаетъ всѣхъ, кто хоть пробѣжитъ его «Плотничью артель». И теперь, черезъ 40 лѣтъ дѣлается ужасно досадно, что Писемскій не позналъ, въ чемъ его главная, почти исполинская сила; что онъ не сдѣлалъ художническимъ этнографомъ и вмѣсто не-исчерпаемо богатыхъ россыпей народной жизни сталъ разрабатывать тонкій пластъ нашей интеллигенціи, высшіе интересы которой по своей эзрности и противорѣчивости были и не симпатичны и не вполне понятны его сильной и умной, но всею грубоватой натурѣ.

Но мы еще возвратимся къ его изображенію народа по поводу его «Горькой судьбины».

Достоевскій выходилъ изъ саторги и обучался военному артиству, когда Писемскій началъ работать надъ самымъ крупнымъ и самымъ знаменитымъ своимъ произведеніемъ «Тысяча душъ».

Идея этого романа будетъ вполне ясна, когда мы припомнимъ отношеніе автора къ героямъ сороковыхъ годовъ, къ слабодельнымъ, трагичнымъ людямъ, которыхъ

Суждены лишь благіе порывы,
А свершить ничего не дано.

Эти господа въ его изображеніи — типы несомненно отрицательныя (Шамилевъ въ «Богатомъ женихѣ» омыывается негодяемъ даже по сравненію съ полундѣтокъ Степой), а между тѣмъ у него должно же было существовать стремленіе создать

такъ положительный, но вѣрней и вѣрѣ настолько положительный, насколько допускалъ это его беззащитный реальнѣе, замѣтно усилившейся послѣ того, какъ онъ увидалъ въ 1855 году, какъ пострадалъ его великій учитель, пытался во второй части «Мертвыхъ душъ» стать идеалистомъ и пророкомъ.

Представимъ себѣ, что Писемскій разсуждалъ такимъ образомъ: У насъ все идетъ гадко. Чтобы измѣнить это, намъ нужны истинно образованные и хорошіе люди. Откуда взять ихъ? Не изъ-за границы же выписывать?! Да и незачѣмъ: у насъ есть свои университеты. Что же дадутъ они? Изъ 100 молодыхъ людей, означивающихъ такъ курсъ, одинъ можетъ достигнуть профессорства, какъ достигъ бы его Бешметевъ, еслибъ его не женили на пошлой кокеткѣ; одинъ можетъ сдѣлаться писателемъ, какъ сдѣлался я. А остальные 98, куда они дѣваются? Сказано, что $\frac{1}{2}$ изъ нихъ дворяне, помѣщики, болѣе или менѣе обезпеченные; изъ нихъ выходятъ Ельчаниновы и Шамилковы, т. е. люди, ни на что не годные; $\frac{2}{3}$ —семипятеры и другіе бѣдняки; эти сейчасъ же стремятся получить кусокъ хлѣба и съ головою опускаются въ тину, пменуемую службой; лучшіе изъ нихъ спиваются съ горя; слабѣйшіе начинаютъ «жить, какъ люди живутъ», т. е. гнуть спину передъ начальствомъ, подставлять другъ другу ножку, брать взятки, спать послѣ обѣда до одурѣнія, вечеромъ играть въ карты, мечтать о выгодной невѣстѣ, о собственной домикѣ и пр.

Если кто нибудь изъ нихъ лѣтъ черезъ 20 и доберется до вѣдѣтельнаго вѣста—раньше онъ «выйти въ люди» не можетъ: у него нѣтъ для этого ни связей, ни денегъ, ни даже манеръ порядочныхъ—, то оказывается, что университетскій «духъ» уже давно вывѣтрился изъ него безъ остатка и «печать позорнаго опозднія горитъ на его челѣ»¹⁾.

Гдѣ же найти дѣлателей? На кого надѣяться? А если и возьму таковой случай: способный и умный юноша, воспитанный изъ милости въ барской обстановкѣ (слѣдовательно имѣющій манеры и раздраженное самолюбіе) попадаетъ въ университетъ и пропитывается честными идеями. Запасъ характера и воли у него достаточный, но средствъ нѣзавидныхъ.

¹⁾ Писемскій: «Старческій грѣхъ» изд. Стелловскаго 291.

Может ли онъ по окончаніи курса добиться такого служебнаго положенія, чтобы примѣнить къ дѣлу свои силы и убѣжденія? Отвѣтъ несенъ: низкимъ образомъ; до того у насъ все застыло въ своеобразной китайщины. Онъ можетъ только существовать службой, да и то очень плохо; а желаніе широкой дѣятельности будетъ гнать его выше всякой мѣры.

Предположимъ, что ему представляется возможность приобрести богатство и связи, но для этого ему надо сдѣлать крупную, хотя и ненаказуемую подлость, напр. жениться на урожд. Затруднимъ его положеніе тѣмъ, что ему для этого надо бросить хорошую дѣвушку, которую онъ любитъ, любить по крайней мѣрѣ на столько, на сколько можетъ любить честолюбивый, завистливый въ благамъ жизни человѣкъ (не забудемъ про его воспитаніе въ богатомъ домѣ, гдѣ его и лакеи обижали пушаньями за столомъ; не забудемъ, что зависть, привычка къ роскоши, безъ правъ на роскошь, и унизленное самолюбіе онъ вынесъ въ жизнь изъ дѣтскихъ лѣтъ). Устоитъ ли онъ противъ искушенія? Нѣтъ, отвѣчаетъ скептикъ и реалистъ Писемскій; какъ умный человѣкъ, онъ въ концѣ концовъ непременно разсудитъ, что, если онъ откажется отъ «случая», онъ вѣчно будетъ жалѣть объ этомъ; онъ и самъ будетъ несчастенъ и отравитъ жизнь любиматаго человѣка. Какіе будутъ узлы борьбы? Писемскій, хоть и прожилъ болѣе половины жизни въ столицѣ, былъ ироничный и, если можно такъ выразиться, убѣжденный провинціалецъ и терпѣть не могъ Петербурга; по его представленію, пока герой въ провинціи, онъ будетъ сопротивляться: въ провинціи подлость слишкомъ на виду, и человѣкъ больше отдается живымъ и натуральнымъ инстинктамъ. Понадетъ герой въ блестящій, шумный Петербургъ, гдѣ даже капитанъ Косеичинъ сталъ мечтать объ англчаночкахъ и сторублевыхъ арбузахъ, судьба его смерителъ: онъ покинетъ преданную ему дѣвушку и продастъ себя за Тысячу душъ. Вотъ наша первая часть романа.

Что будетъ дальше? Если герой, приобрести богатство и видное положеніе, поцѣлуетъ на завтрахъ, онъ не герой, а дрянь, и заниматься пизъ не стоило. Но характеръ вать сильный и умъ недюжинный; для такого человѣка средство не можетъ сдѣлаться цѣлью; если онъ и продастъ душу свою дьяволу, то не за сторублевые арбузы, а за нѣчто большее. Цѣль его не широка, но ясна и опредѣлена; у него есть идея государственной

пользы и правды, и онъ будетъ проводить ее со всею свойственною ему энергіей и честностью, по возможности, средствами.

Будетъ ли онъ сметливъ или по правнѣй мѣрѣ дологъ? Конечно, итъ: онъ не Сивозинъ — Дмухановскій, котораго «прасная панадерія» и возможность задавать тонъ передъ городничими могутъ осчастливить даже въ перспективѣ, и съ другой стороны, онъ слишкомъ эгоистиченъ, чтобы всецѣло уйдти въ свою идею, тѣмъ болѣе, что и самъ не можетъ признавать за ней міроваго значенія.

Будетъ ли онъ имѣть успѣхъ?

Въ отдѣльныхъ случаяхъ и не надолго — да; а потомъ его непремѣнно сломають: слишкомъ мало правды и сознанія общей пользы въ тѣхъ сферахъ, гдѣ ему придется дѣйствовать. Но дѣятельность его нельзя будетъ назвать пустой и безцѣльной: она имѣетъ значеніе, какъ попытка и примѣръ; его прогонять со службы, но набранные имъ чиновники останутся, а взыскники послѣ его погрома хоть и будутъ брать взятки и грабить назву, но не съ прежней свободой духа и беззастѣнчивостью.

Изложеніе администраторской дѣятельности Калиновича, безъ сомнѣній, именно тѣ страницы романа, которые наиболее воодушевляли автора. Читатель не можетъ не чувствовать, съ какою наслажденіемъ создавалъ эти сцены Писемскій; вѣдь онъ самъ девять лѣтъ прослужилъ въ провинціи на маленькихъ мѣстахъ, и въ безцѣльной, хотя и праведной злобѣ совершалъ гадости, которыя дѣлались кругомъ него, и только про себя мечталъ о томъ, какъ было бы хорошо итти туда въ качествѣ лица, имѣющаго власть (и связи въ Петербургѣ) и развести все это стоячее болото, прикрытое глубокой пародіей на законность и культуру.

До искреннаго пафоса, до своеобразной героической знопенъ возвышается холодный скептикъ Писемскій, когда онъ имѣетъ съ своимъ героемъ борется противъ «миллаго взыскника» губернатора, разрушаетъ все міросозерцаніе откупа, сажаетъ въ острогъ мошенника визита, вгоняетъ паншескій ужасъ на все губернскаѣ власти своей знаменитой рѣчью о злоупотребленіяхъ, которыхъ, «конечно, и сотой доли не существуетъ въ здѣшней губерніи», потомъ набиваетъ взятчиковъ и казнокрадовъ цѣ-

лами «увалами — перевалами», какъ Василь Буслевъ мушкетеръ повгородскихъ, и наконецъ, гибнетъ подавленный множествомъ, какъ Тарасъ Бульба, когда «суть не тридцать человѣкъ повисли на рукахъ у стараго».

Но все же «Тысяча душъ» не административная поэма, и романъ: надо его украсить любовью, и Писемскій заставляетъ своего героя снова встрѣтиться съ брошенной имъ дѣвушкой. Авторъ поступаетъ здѣсь съ большимъ умомъ и тактомъ, а что еще того важнѣе, съ теплымъ человѣческимъ чувствомъ. Во первыхъ—судьба этой дѣвушки: она не погибла, но и не выплыла наверхъ; она стала провинціальной актрисой, и осталась женщиной честной. Во вторыхъ, моментъ встрѣчи. Если-бъ Калиновичъ еще дѣлалъ свою карьеру, и Настенька ему помѣшала бы, и онъ явился бы передъ нею въ очень неприглядномъ свѣтѣ зауряднаго карьериста. Если-бъ Калиновичъ былъ уже сокрушенъ врагами, ему при его громадномъ самолюбіи было бы страшно тяжело принять сострадательную любовь Настеньки; онъ мучился бы самъ и мучилъ ее. А въ романѣ такъ: карьера уже сдѣлана, и цѣль Калиновича обозначилась ясно; молва о его суровой энергіи и честности гремитъ и достигаетъ Настеньки. Калиновичъ по виду наслаждается недолговѣчнымъ успѣхомъ, а на душѣ у него страшная тоска одиночества; онъ окруженъ врагами даже въ семьѣ своей. И въ это то время онъ получаетъ записку отъ Настеньки. Когда онъ спрашиваетъ о ней судера, у этого высохшаго честолюбца чиновника «перехватывается голосъ», какъ у семнадцатилѣтняго юноши. Настенька и Калиновичъ встрѣчаются въ первый разъ послѣ десятилѣтней разлуки въ театрѣ, и встрѣчаются въ такихъ условіяхъ, что ни тотъ ни другая не могутъ стыдиться своего прежняго увлеченія: она—прекрасная актриса, умѣющая извлекать слезы даже у толстыхъ провинціальныхъ чиновницъ; онъ честный дѣлатель на вершинѣ своего могущества; они еще любятъ другъ друга, такъ какъ только другъ съ другомъ знали счастье. Но жизнь прожита, и прожита не радостно. . . Мало знаю и въ новѣйшей литературѣ такихъ сурово трогательныхъ сценъ, какъ этотъ дебютъ актрисы Миняевой въ плохой драмѣ Коцебу: «Непачистъ къ людямъ и расквашенъ»; много плохихъ романовъ и драмъ можно за нее простить Писемскому!

Немедленно послѣ этой встрѣчи начинаются служебныя

несчастія Калиновича: въ ту же ночь узнаеть онъ, что жена его уѣхала въ Петербургъ поддерживать его прагавъ своими деньгами и слезами. Онъ посылаетъ за Настенькой, и та второй разъ приноситъ себя въ жертву Калиновичу. Но не собачьи привязанности руководить ею, какъ увидали критики будто бы со словъ самаго Писемскаго; собакачьей называетъ ее любовь знойность Калиновичъ¹⁾, а Писемскій 50-хъ годовъ не смѣлъ и не могъ такъ назвать цѣломудренное чувство женщины (увы, рѣдко аналогное мушкетерамъ), которое заставляетъ ее остаться вѣрной предмету своей юной любви, если она хоть чѣмъ ильбудъ, хоть съ патинкою можетъ оправдать свое увлеченіе; изъ того же чувства въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» Грушенька уѣзжаетъ къ своему «прешнему»; изъ того же чувства и Татьяна любить Онегина до конца жизни.

Романъ кончается поразительнымъ по своей рѣзости манифестомъ реализма:

«Черезъ полгода послѣ смерти жены, Калиновичъ женился на Настенькѣ. Фактъ этотъ, казалось бы, развязываетъ для меня, какъ для романиста, всѣ нити, но въ то же время я никакъ не могу, подобно старымъ повѣствователямъ, сказать, что главные герои мои, послѣ долговременныхъ тревоженій, пристали наконецъ къ мирной пристани тихаго семейнаго счастья. Далеко это было не такъ на самомъ дѣлѣ! Сломанный нравственно, большой физически, Калиновичъ рѣшился на новый бракъ единственно потому только, что ни на что болѣе не надѣялся и ничего ужъ болѣе не ожидалъ отъ жизни; да и Настенька, болѣе улы, кажется, любившая Калиновича по воспоминаніямъ, оставила театръ и сдѣлалась дѣйствительною статскою совѣтницею свороте изъ сознанія какаго то долга, что она одна осталась въ мірѣ для этого человека и обязана хоть сколько нибудь поддерживать и усладить жизнь этой разбитой, но все таки любезной

¹⁾ Писемскій и Калиновичъ далеко не одио и то же: авторъ любитъ своего героя, любить, можетъ быть, больше, чѣмъ тотъ этого заслуживаетъ (одинъ разъ изъ-за этой любви Писемскій даже опускается до мелодрамы, какъ замѣтилъ это и О. В. Миллеръ), но не щадитъ его и ставитъ въ Петербургѣ въ такіа уничительна положенія и часто рисуетъ его такимъ безсердечнымъ, что о полномъ тождествѣ ихъ взглядомъ не можетъ быть и рѣчи. Отношеніе между ними приблизительно такое же, какъ между Гробоновымъ и Чацкимъ.

для нея силы, и такимъ образомъ одинъ только капитанъ сталъ вполне наслаждаться жизнью, заправляя по всему дому хозяйствомъ и постоянно называя племянника и племянницу: «ваше превосходство».

О такой беззащитной и горькой правдѣ почти понятія не имѣвъ европейская поэзія до введенія въ нее русскаго романа. Оттого въ 1860 г. такъ и поразила ибмещую притву переводъ «Тысячи душъ»¹⁾.

А въ Россіи «Тысяча душъ», помимо своего художественнаго достоинства, была и гражданскимъ подвигомъ: Писемскій явился въ этомъ романѣ однимъ изъ самыхъ крупныхъ дѣятелей такъ называемой литературы обличительной. Понятіе это, какъ извѣстно, очень скоро опонизилось и сохранило въ некоторый запахъ пошлости и до сихъ поръ, но въ 1858 г. было иное дѣло: «Губернскіе Очерки» только что начали привлекать вниманіе.

Къ роману «Тысяча душъ» по силѣ и направленію таланта непосредственно примыкаетъ повѣсть «Старческій Грѣхъ» (1860 г.). Этой небольшой и хлѣстами не совсемъ обдѣланной повѣстью можетъ гордиться русская литература, какъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ и цѣлостныхъ произведеній вѣнуа освобожденія крестьянъ и великой эпохи преобразованій. И увѣрить, что черезъ 40—50 лѣтъ «Тысяча душъ», «Горькая судьба» и «Старческій Грѣхъ» будутъ расходиться въ дешевыхъ изданіяхъ и восстанавлять имя Писемскаго, погубленное его послѣдующими произведеніями. А читая Писемскаго, наши внуки оправдаютъ и страшную лозву, которую вынесло общество, и поймутъ всѣ крайности и даже безобразія, которыми вымыслили на себѣ при этой лозвѣ.

«Старческій грѣхъ» — глубоко трогательная и страшная, хотя несколько не «фантастическая» исторія честнаго и богатырски-сильнаго идеалиста 40-хъ годовъ, который свою безрадостную жизнь заканчиваетъ самоубійствомъ въ острогѣ, куда онъ посаженъ по обвиненію въ покражѣ казенныхъ денегъ. Писемскій и въ этой трагической исторіи является ученикомъ

¹⁾ Писемскій и самъ прекрасно понималъ, что сила его таланта именно въ его поразительной правдивости и въ 1863 г. такъ опредѣлилъ себя: «Вашъ полетъ не высокій, не орлиный, но не джипный» говорить ему «ужный». Ливановъ (Вѣбалою, Море III, 59).

творца «Мертвыхъ душъ» и даже изъ нихъ, можетъ быть, безсознательно, заимствуетъ сцену для одной части своей повѣсти: объѣздъ Лосаеомъ помѣщиковъ и купцовъ для займа денегъ, какъ объѣздъ Чичикова, даетъ автору возможность вывести на сцену разнообразныя типы. Но типы здѣсь другіе, и цѣль автора другая: не веселый смѣхъ, а ужасъ внушаютъ эти безобразности и эгоисты, имѣющіе власть надъ сотнями и тысячами живыхъ людей; нѣтъ и слѣда той патриархальности, которая до нѣкоторой степени мирила читателей съ несовершенствомъ нашихъ порядковъ: не по камиф вышиваетъ губернаторъ, а какъ тигръ свирѣпствуетъ; не закуски устраиваетъ ваточникъ полицмейстеръ, а людей пытаетъ на законномъ основаніи. У великаго другаго романиста при такой точкѣ зрѣнія вышло бы страшное преувеличеніе, своего рода «Тайны инквизиціи», и дѣйствующія лица оказались бы театральными масками небывалыхъ модѣвъ; у Писемскаго все это — «дѣло житейское», все это добрые граждане и усердные администраторы, достойные очередныхъ наградъ. Только въ самомъ концѣ повѣсти изъ души автора вырывается крикъ: «Жить въ такомъ обществѣ, гдѣ Ферантоны являются преступниками, Бжестовские — людьми правыми, и судья — въ родѣ полицмейстера: чтобы жить въ этомъ обществѣ, какъ хотите, надобно имѣть большой запасъ храбрости».

Дальше идти вездѣ: необходимо повернуть на иную дорогу. Не могъ идти дальше и художественный пессимизмъ Писемскаго.

Въ томъ-же году, когда Писемскій дописывалъ «Старческій грѣхъ», его драма «Горькая судьбина» была увѣнчана академіей и обошла всѣ сцены Россіи.

«Горькая судьбина» не изъ тѣхъ произведеній, которыя живутъ столѣтіями и доставляютъ эстетическое наслажденіе всему человѣчеству. Переведите ее теперь по-французски, и она пожалуй покажется мало понятной въ главныхъ характерахъ и плохо построенной мелодрамой. Но въ свое время и на своемъ языкѣ это — сильная, красивая и честная пьеса, дѣлающая честь народу, изъ котораго она вышла, и художнику, который сумѣлъ такъ хорошо понять свой народъ. 25-ть лѣтъ идетъ «Горькая судьбина» на русской сценѣ и еще долго будетъ идти, пока вѣчное право не отойдетъ въ область археологіи.

«Горькая судьбина» вѣсть съ «Записками охотника» — самый сильный протестъ противъ крепостнаго права; тѣмъ сильнѣе этотъ протестъ, что авторъ вовсе не задавался мыслью протестовать, а только старался остаться вѣрнымъ дѣйствительности.

Только тенденціозное нечѣстество могло думать, что образованные представители правящаго класса въ Россіи были когда нибудь допущены варварствомъ крепостныхъ порядковъ. Слезы императрицы Екаторины въ спорѣ съ Сумароковымъ очень краснорѣчивое доказательство того, какъ тяжело было покоряться этой горькой необходимости. Суровыя мѣры противъ потрясателей этой «основы» объясняются именно сознаніемъ ея непригодности и антипатичности въ принципѣ: извѣстно, что люди больше всего раздражаются тогда, когда ихъ упрекаютъ въ недостаткѣ, или вопли и съ болью сердца сознаваемою.

На рѣшавшя устранить извѣстное зло, правительство возлагало всѣ надежды на русское благодушіе, обусловленное отсутствіемъ побѣдителей и побѣжденныхъ, на частныя ограничивающія и сдерживающія мѣры, а главное, на образованіе дворянства, на распространеніе среди него гуманныхъ идей посредствомъ институтовъ, гимназій, университетовъ; ближайшая цѣль, повидимому, достигалась. Отошло въ вѣчность поколѣніе екатерининскихъ дворянъ, культурныхъ только по внѣшности, а на дѣлѣ безсовѣстно пользовавшихся своими противуестественными правами. Сходить со сцены и дворяне абсентеисты александровской эпохи, смотрѣвшіе на мужика, какъ на доходную статью. Выступаютъ новое поколѣніе, образованное, гуманное, проникнутое сознаніемъ своего долга по отношенію къ крестьянамъ. Представьте себѣ, что встала бы изъ гроба Екаторина II съ своими либеральными софтинками и увидела бы, какъ Чеголоковы—Соконины, окончивъ курсъ наукъ въ университетахъ, разъѣзжаются по своимъ деревнямъ; да она заплакала бы на этотъ разъ уже отъ радости за счастье Россіи. Такіе помѣшники, проживая безвыгодно въ деревняхъ, будутъ софтинками, попомощниками, естественными защитниками своихъ крестьянъ, которые подъ ихъ разумнымъ управленіемъ будутъ умнѣть и богатѣть не по днямъ, а по часамъ; помѣшники настроятъ школы, больницы, банковъ и пр., и Россія, развитая на массу мелкихъ общинъ, руководимыхъ просвѣщенными землевладѣльцами, процвѣтетъ на защитѣ всѣмъ сосѣдямъ.

Все это было бы возможно, еслибы из основъ отношений не лежало въѣвое проваліе, именуемое крѣпостнымъ правомъ. А такіе результаты получаются при этомъ условіи — отабы длетъ драма Писемскаго.

И уже говорить, что Писемскій дѣлается неузнаваемъ, когда переходитъ изъ барскаго, городского общества изъ деревенское, мужицкое: изъ пессимиста и циника становится идеалистомъ.

Въ «Горькой судьбинѣ» всѣ главныя дѣйствующія лица — прекрасные люди. Лучше всѣхъ, конечно, Ананій: умный, работный, идеально честный, богатырь по силѣ характера, онъ въ то же время доѣрчивъ и добръ, какъ ребенокъ; онъ такъ далекъ отъ всякой мысли о преступленіи, что и послѣ ужасной бѣды, которая страслась надъ нимъ, прежде всего идетъ совѣтоваться къ священнику. Жена его Лизавета — кроткое, доброе, любящее созданіе, изъ тѣхъ не особенно умныхъ и храбрыхъ, но безаѣтно привязчивыхъ женщинъ, которыя бывають идеальными женами именно при сильныхъ мужьяхъ. Хорошая и справедливая женщина и ея мать; большинство мужиковъ — хорошие и честные люди. А лучше и справедливѣй всѣхъ самъ гуманный баринъ, который горячо и искренно защищаетъ своего соперника — мужика передъ Золотиловымъ.

Что-же вышло изъ этого сожительства столькихъ прекрасныхъ людей? Добрый и умный баринъ допивается съ гора до чахотки; лучший мужикъ его деревни идетъ подъ кнутъ и въ Сибирь съ грѣхомъ убійства на душѣ, а несчастная Лизавета остается на позоръ и поношеніе доплачивать свою жизнь.

Правдоподобенъ ли такой сюжетъ? Безусловно правдоподобенъ. Начнемъ съ того, что онъ не выдуманъ Писемскимъ, а взятъ имъ изъ жизни, изъ уголовного дѣла. Это, конечно, далеко не безспорное доказательство тиничной, художественной и правдивости, но и ея здѣсь даже больше, чѣмъ необходимо. Человѣкъ вовсе не подготовленъ и не способенъ къ серьезной работѣ о хитростяхъ и о судьбѣ своихъ мужиковъ; но именно въ силу своей гуманности и своихъ либеральныхъ убѣжденій онъ можетъ, а въ силу своей молодости и недовольства обществомъ помѣщикомъ долженъ увлечься красивой и симпатичной крестьянкой. Лизавета не жлетъ барину, когда говорить, что еще дѣлушкой заглядывалась на него; но не жлетъ и мужу, когда

оправдываетъ свою измѣну насиліемъ и угрозами: въ ней настолько сильно чувство долга, что безъ посторонняго давленія она легко совладала бы съ капризомъ своего сердца. Чеголовкинъ, конечно, не способенъ къ насилію; но тутъ есть бурмистръ, который привыкъ и умѣетъ «слушать господанъ» и исполнять ихъ желанія даже раньше, чѣмъ они ихъ выскажутъ. Но и бурмистръ по натурѣ своей вовсе не злодѣй, не Маринелли изъ Эмиліи Галотти, а только продуктъ крѣпостнаго права.

Такова завязка; что въ такой же степени правдоподобенъ весь ходъ драмы, доказывается ея огромнымъ успѣхомъ на сценѣ.

Въ композиціи пьесы есть недостатки;¹⁾ но въ общемъ «Горькая судьбина» оставляетъ сильное, стройное и необмысленно законченное впечатлѣніе, въ особенности благодаря финальной сценѣ появленія Анавія съ повинной и его прощанія съ женой и со всею деревней.

Зрителю безусловно ясно будущее всѣхъ главныхъ действующихъ лицъ: узнеть добрый и умный баринъ послѣ надѣланныхъ изъ жеростей и глупостей; заключить сосѣди Лизавету за ея грѣхъ, замучить ее новый баринъ, какъ виновницу смерти своего брата. Не пропадетъ только одинъ Анавій — несмотря на вкнутъ и каторгу. Испунивъ свой грѣхъ страданіемъ, онъ и въ «Мертвомъ домѣ» будетъ живымъ и хорошимъ человекомъ, однимъ изъ тѣхъ хорошихъ людей, изученіе которыхъ плѣчило Достоевскаго отъ его впохондріи²⁾ и весило въ него несокрушимую вѣру въ русскій народъ.

Я заканчиваю вышнюю лекцію нѣсколькими замѣчаніями о «Запискахъ изъ Мертваго дома», которыя Достоевскій вывезъ съ собой изъ Сибири въ самый годъ поименія «Горькой судьбины» (для мотивированной оцѣнки ихъ мало было и цѣлой лекціи).

Въ 1881 г. потрясенный вѣстіемъ о смерти Достоевскаго, Левъ Толстой вспоминаетъ не о «Преступленіи и наказаніи», не о

¹⁾ Въ первомъ актѣ паннава обидчивость дяди Никола впохо мотиваруетъ страшное отпрізіе; въ четвертомъ актѣ губернаторскій чиновникъ дѣйствуетъ неестественно дерзко и глупо и пр.

²⁾ Письма, стр. 110.

«Братьяхъ Карамазовыхъ», а именно о «Запискахъ изъ Мертваго дома». «Я не знаю, пишетъ онъ, лучше книги во всей новой литературѣ, включая Пушкина»¹⁾.

Не будемъ извѣшивать ее, положивъ на другую чашку вѣсовъ всего Пушкина, но признаемъ, что это одна изъ самыхъ правдивыхъ, самыхъ задуманныхъ и нравственныхъ и самыхъ прекрасныхъ книгъ, какія есть на свѣтѣ; она одна могла бы оправдать все оваціи надъ могилой Достоевскаго и упрочить для него пыльное мѣсто въ исторіи литературы.

Куда только ни заглядывало досужее воображеніе французскихъ романистовъ 30-хъ и 40-хъ годовъ? Съ какою готовностью водили они читателей по самымъ ужаснымъ притонамъ подонка челоуѣчества! Какой параграфъ уголовного кодекса не иллюстрированъ ими? Въ уголовныхъ романахъ, которые и до сихъ поръ расходятся въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, преступники всевозможныхъ разновидностей встрѣчаются цѣлыми десятками; совершивъ преступленіе, они скрываются отъ глазъ читателя на нѣсколько дѣтъ на галеры и потомъ вновь выходятъ оттуда на свѣтъ, истомленные, заморенные или озлобленные. Что было съ ними тамъ, отъ читателя скрыто; даже французскій реализмъ послѣдняго времени едва дерзаетъ заглядывать въ этотъ земной адъ.

Правда, есть одно блестящее исключеніе, которое, конечно, вамъ теперь приходится на память: В. Гюго посвятилъ нѣсколько превосходныхъ страницъ изображенію жизни и типовъ каторжныхъ. Но черезъ сравненіе этихъ поэтическихъ страницъ съ «Записками изъ Мертваго» дома всего рельефнѣе опредѣляется превосходство послѣднихъ, а до известной степени и характерныя черты русскаго искусства вообще: тамъ фантазія и красота — здѣсь правда; тамъ пафосъ — здѣсь задуманность; тамъ героизмъ — здѣсь челоуѣчность.

Ровно 60 лѣтъ назадъ являлась на свѣтъ книга сходная съ «Записками изъ Мертваго дома» содержаніемъ и тономъ, имѣвшая важное историческое значеніе и до сихъ поръ повсемѣстно читаемая, книга, глубоко правдивая и нравственная, написанная талантливымъ художникомъ, который, какъ и Достоевскій, пи-

¹⁾ Памяти Достоевскаго стр. 30.

сать не по рассказамъ, а по горькому опыту, ибо такъ-же за политическое преступленіе «въ злодѣиѣмъ причтенъ былъ». И разумно: «Мои темницы» Сильвіо Пеллико. Это—очень хорошая книга, что и говорить, вполнѣ заслуживающая свою популярность. Но сравните ее съ «Записками изъ Мертваго дома»: какъ она бѣдна содержаніемъ и мыслию! Въ ней человѣкъ въ тѣсномъ заключеніи перерождается нравственно, производитъ своей искренностью благотворное дѣйствіе и на читателя; но онъ самъ все время занятъ только собой и читателя какъ бы ухаживаетъ отъ міра; остальные, не политическіе преступники такъ и остаются для него грязными отбросами человечества, полузвѣрами, и онъ отворачивается отъ нихъ съ презрѣніемъ.

Не то у Достоевскаго: глубоко вѣруя въ человѣка, считая преступленіемъ подобное отношеніе къ падшему, онъ съ перваго же дня хочетъ войти въ многочисленную семью каторжныхъ, но войти такъ, чтобы не поддаживаться къ ея тону, не поступиться ничѣмъ своимъ. Съ глубокимъ интересомъ онъ въ первый же вечеръ всматривается въ эти влѣйственные лица и уже любить ихъ, любить въ нихъ людей. Они отталкиваютъ его, надѣваются надъ нимъ; онъ не навязывается, отдаленъ на время, но про себя оправдываетъ ихъ и продолжаетъ любить ихъ. И вотъ онъ постепенно начинаетъ различать между ними беспорядочныхъ, пустыхъ хвастуновъ и серьезныхъ людей, слабохарактерныхъ, лишенныхъ инициативы, и героевъ, добрыхъ и злыхъ; но въ самомъ отвлеченномъ злодѣѣ онъ видитъ брата и въ его загрязненную душу проникаетъ любящимъ взоромъ.

Результатомъ этой великой работы любви явилась книга, а въ книгѣ великое открытіе, которое смѣло можно поставить по крайней мѣрѣ на ряду съ величайшими открытіями вѣка. Подозрѣвалъ ли ктонибудь до выхода въ свѣтъ «Записокъ изъ Мертваго дома» сколько благодушныхъ, потишю хорошихъ людей, при нѣмыхъ условіяхъ идеальна добрыхъ гражданъ, находятся между бритыми кандалъниками? Зналъ ли ктонибудь, что и масса ихъ состоитъ изъ преступниковъ случайныхъ, и что имя, которое даетъ имъ русскій народъ: несчастные, вовсе не сжестившіе, не свидѣтельство о благодушіи этого народа, а скорѣе свидѣтельство его здраваго смысла, что и въ тѣхъ ужасныхъ условіяхъ, въ которыя они поставлены такъ въ Мертвыхъ

донъ, они остаются людьми со всеми человѣческими слабостями, со способностью сильно чувствовать добро, красоту и истину?

Каторжники — товарищи рѣшили наконецъ, что Достоевскій хорошій человекъ. И теперь черезъ 40 лѣтъ ихъ приговоръ подтвердитъ вся грамотная Россія: онъ высоко талантливый художникъ, но онъ прежде всего хорошій человекъ, правдивый, искренній, безконечно любящій.

II.

Въ прошлой лекціи я прослѣдилъ дѣятельность Достоевскаго и Писемскаго до начала великой эпохи преобразования, и въ заключеніе я сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о «Запискахъ изъ Мертваго дома», которыя Достоевскій, такъ сказать, перенесъ съ собою изъ конца 50-хъ годовъ въ 60-ые. Эти «Записки изъ Мертваго дома» наиболее художественное, единственное безусловно художественное произведеніе Достоевскаго, такъ какъ въ нихъ великая идея и прекрасная форма вполне уравниваются между собою, такъ какъ въ нихъ нельзя ни выкинуть, ни исправить ни одной черты. Во всѣхъ его послѣдующихъ произведеніяхъ идея какъ будто подавляетъ самого автора и беретъ надъ формою верхъ; онъ стремится выразить эту идею именно въ такую же силою и убѣдительною, съ какою самъ сознаетъ и чувствуетъ ее, а это ему удается не сразу. Добившись наконецъ выраженія точнаго и достаточно сильнаго, онъ не рѣшается исключить всѣ прежнія попытки, такъ какъ въ нихъ изъ нихъ извѣстная сторона идеи выражена съ болѣею ясностью, нежели въ окончателной формѣ. Онъ, конечно, сознаетъ, что отъ этого страдаетъ стройность композиціи, но онъ всегда склоненъ жертвовать красотою для истины.

По той же причинѣ Достоевскій, столь ревнивый къ оригинальности своихъ произведеній со стороны идеи, не задумываясь, повторяетъ свои типы и положенія, или находитъ, что эти типы и положенія можно выразить еще сильнѣе и рельефнѣе, нежели онъ сдѣлалъ это прежде.

Но очень часто Достоевский не имѣлъ физической возможности выправить свое произведеніе и сдѣлать его болѣе сильнымъ и стройнымъ: 1-ая часть была уже въ рукахъ читателя въ то время, когда онъ писалъ 2-ую ¹⁾.

Причины, почему такъ исключительно несчастливилось «Запискамъ изъ Мертваго дома» дѣй: первая, конечно, содержаніе, не выдуманное, а данное собственною жизнью, что для поэта правды всегда представляетъ огромныя выгоды; а вторая та, что, работая надъ ними, Достоевский не могъ имѣть въ виду скоро напечатать ихъ въ цензурнымъ условіямъ, писалъ ихъ почти для себя и такимъ образомъ имѣлъ полную возможность, такъ сказать, выносить ихъ въ души своей.

Работая для печати, какъ до ссылки, такъ и послѣ нея, Достоевский всегда ужасно торопился, былъ въ крайне нервномъ и возбужденномъ состояніи духа. Подождемъ, онъ увѣрялъ, что такъ выходитъ лучше ²⁾, но онъ же самъ въ 1856 г. пишетъ Маймону ³⁾, что для большой работы нужно спокойствіе духа. Видимое противорѣчіе онъ самъ же превосходно объясняетъ въ письмѣ къ брату (отъ 31 мая 1858 г.) ⁴⁾, который выразилъ мысль, что хорошія вещи создаются сразу: «Ты лично смѣниваешь вдохновеніе, т. е. первое, мгновенное созданіе картины или движенія въ душѣ (что всегда такъ и дѣлается) съ работой. Я, напримеръ, сцену тотчасъ же и записываю такъ, какъ она мнѣ явилась впервые, и радъ ей; но потомъ, дѣлаю мѣсяцы, годъ, обрабатываю ее, вдохновляюсь ею по нѣскольку разъ, а не одинъ (потому что люблю эту сцену) и нѣсколько разъ прибавляю къ ней или убавляю что нибудь, какъ и было у меня, и повѣрь, что выходило гораздо лучше».

¹⁾ Часто же бывало и хуже, какъ онъ самъ говоритъ въ 1864 году (См. Матеріалы стр. 208): «начало главы романа или повѣсти было уже въ типографіи и наборѣ, а окончаніе еще сидѣло въ моей головѣ, но непременно должно было написаться къ завтраму».

²⁾ См. выше въ письмѣ изъ крѣпости и ср. Униженіе и оскорбл. 3-ое изд. стр. 447. «У меня вырабатывается, въ такую напряженную работу, какое то особенное раздраженіе нервовъ; и дѣлаю соображаю, жалею и глубже чувствую, и даже слогъ мнѣ вполнѣ подчиняется, такъ что въ напряженной то работѣ и лучше выходитъ».

³⁾ Письма стр. 86.

⁴⁾ Письма стр. 113.

Къ сожалѣнiю, эту программу въ цѣломъ Достоевскiй, повидному, только и примѣнилъ, что къ «Виднымъ людямъ» и къ «Запискамъ изъ Мертваго дома». Работая надъ другими своими произведенiями, Достоевскiй отчасти по своей вѣнѣ, а больше по нѣмъ обстоятельствамъ оказывался почти всегда въ такомъ положенiи, что, хотя идеи являлись свободно и зрѣла долго, исполнить ее приходилось на ваваяъ, насоро и часто при такихъ тяжелыхъ условiяхъ, что если всмотрѣться въ нихъ, просто словъ не найдешь, чтобъ выразить свое удивленiе къ гигантской духовной мощи больного человѣка, который могъ работать въ такихъ живенныхъ тлесахъ.

Я позволю себѣ заблжать впередъ и разсказать по несомнѣннымъ документамъ, какъ Достоевскiй писалъ «Идиота», одно изъ самыхъ глубокихъ по идеямъ и одно изъ самыхъ мучительныхъ, если можно такъ выразиться, кошмарныхъ, истеричныхъ по исполненiю, своихъ произведенiй.

Весною 1867 г. Достоевскiй почти сейчасъ же послѣ свадьбы ублжаетъ за-границу. Это не свадебная поблдка для удовольствiя, а добровольная ссылка; въ это время «за-граница» совсѣмъ не интересуеть Достоевскаго, и ему и нушно и хочется жить въ Россiи, такъ же какъ и его молодой женѣ; это бѣгство отъ долговъ, которые онъ принялъ на себя послѣ смерти брата, отъ кредиторовъ, которые уже подали ко взысканiю. Достоевскiй ничего не имѣлъ бы и противъ долгового отдѣленiя¹⁾; но здоровье его до того разстроено, припадки падучей боллзни²⁾ до того участились, мозгъ такъ потрясенъ, что въ знаменитомъ домѣ Тарасова онъ не вынесъ бы и мѣсяца, а стало быть и долги остались бы невыплаченными. Чтобъ облнчатъ и ублхить, онъ сдѣлалъ новый долгъ и для него огромный: взялъ впередъ у Каткова подъ ненаписанный романъ 3000 рублей. Но изъ этихъ 3-хъ тысячъ едва-ли и третья часть перешла съ нимъ границу: вѣдь въ Петербургѣ на его попеченiи остается сынъ его первой жены и вдова его брата съ дѣтьми. Направляясь на югъ въ Швейцарiю, онъ заблжаетъ въ Ваденъ,

¹⁾ Письма стр. 163.

²⁾ Онъ чувствовалъ склонность къ ней съ ранней юности; въ Сибири боллзнь выразилась вполне опредѣлено.

гдѣ рулетка, и рѣшаетъ рискнуть десяткомъ лудоровъ въ надеждѣ выиграть тысячи двѣ франковъ: ¹⁾ «вѣдь это на 4 мѣсяца житья со всѣмъ, со всѣми петербургскими», мечтаетъ онъ. Достоевскій сперва выигралъ 4000 франковъ, не могъ остановиться и проигралъ все, что съ нимъ было, не исключая и своего платья и вещей жены ²⁾. Чтобы выѣхать изъ Бадена, онъ снова занимаетъ у Катнова, а сейчасъ же по приѣздѣ на мѣсто въ Женеву долженъ просить 150 рублей у многосемейнаго и небогатаго Майнова, такъ паяз у него Достоевскаго всего 18 франковъ въ карманѣ; просить же опить у Катнова у него не хватаетъ духу: «Пройдетъ два мѣсяца, дѣло другое; тогда и вышлю ему тысячи на полторы романа и опишу свое положеніе».

Почти годъ живетъ Достоевскій въ Женевѣ, работаетъ отчаянно (онъ пишетъ по 3½ листа, въ мѣсяцъ) и иногда нуждается въ самомъ необходимомъ. У него родится первый ребенокъ; онъ въ 3 мѣсяца усиливаетъ страстно привязаться къ нему; ребенокъ умираетъ; Достоевскій въ неописуемомъ отчаяніи: жена плачетъ по цѣлымъ ночамъ ³⁾, а мужъ долженъ писать по 8 часовъ не уставая. «Не думаю, чтобы было порядочно, забываешь онъ: потому что очень тяжело было писать» ⁴⁾. Нужно бы переѣхать въ другой городъ, разлучить себя и жену; но средствъ нѣтъ (даже похороны 3-хъ мѣсячной крошки для нихъ большой «сверхчеловѣчный» расходъ) ⁵⁾; да и времени нѣтъ на переѣздъ: надо отработать долгъ. Наконецъ Достоевскому удается перебраться въ Веве, а оттуда въ Миланъ; но настроеніе его духа не лучше, и романъ отъ этого не выигрывается; онъ самъ крайне недоволенъ его формой; по его мнѣнію, она до того плоха, что даже «идея романа почти лопнула» ⁶⁾; но что жъ

¹⁾ Этотъ странный расчетъ на выигрышъ и игорный азартъ со стороны такого серьезнаго и безусловно честнаго человѣка вмѣстѣ съ усиливавшеюся болѣзью слѣдуетъ, мнѣ кажется, считать результатомъ той надламываемости, которую Достоевскій вынесъ изъ каторги.

²⁾ Письма стр. 173.

³⁾ Стр. 178.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Стр. 189.

⁶⁾ Стр. 196.

двѣлать: «Надо сѣшить по всѣхъ силъ, работать, не перечитывая, гнать на почтовыхъ и, въ концѣ концовъ, все таки не поспѣю»¹⁾. Неудача романа сильно его огорчаетъ, но онъ до того задавленъ нуждой, что соврушается не о гибели оригинальной и сильной идеи, а объ невозможности отдѣльнаго изданія, которое принесло бы нѣсколько сотъ рублей! Деньги для него въ это время до такой степени все, что онъ даже считается съ покойнымъ братомъ Михаиломъ, котораго въ письмахъ изъ Сибири называлъ «благодѣтелемъ»; теперь онъ доказываетъ, что еще при жизни отдалъ ему весь свой долгъ²⁾. Когда близкій его пріятель Н. Н. Страховъ приглашаетъ его участвовать въ новомъ журналѣ «Заря», первая его мысль получить впередъ часть денегъ за повѣсть, за которую онъ еще и не принимался. Все его письма къ Ап. Майкову переполнены денежными расчетами, запросами и судбищемъ, изъ за недоплаты нѣсколькихъ сотъ рублей, съ Степановичемъ, съ котораго онъ мечтаетъ «сорвать» неустойку, хотя, видимо, и самъ конфузится своихъ мечтаній. Нужно ли доказывать, что не алчность и не жетительность руководитъ Достоевскимъ, а крайняя необходимость: въ каждую данную минуту онъ или нуждается до послѣдней степени, до униженія или заранѣе трепещетъ въ ожиданіи безденежья, которое среди чужихъ за-границей во сто разъ тяжелѣе, нежели у себя дома, гдѣ всегда найдутся и друзья и заработокъ. Все время безъ перерывовъ стремится онъ въ Россію, куда его тянетъ и тоска по родинѣ, и увеличивающаяся семья, и необходимость устроить денежныя дѣла и исполнѣ законная потребность романиста, изображающаго русскую дѣятельность, знать эту дѣятельность не по газетамъ, а по собственнымъ наблюденіямъ. И въ такихъ то ужасныхъ условіяхъ живетъ онъ четыре года и, отработывая заграничныя впередъ деньги, пишетъ два романа и большую повѣсть!

Можно ли требовать отъ «Идіота», «Бѣсовъ» соразмѣрности частей, художественности? Можно ли удивляться этимъ надрыпанъ ума и воображенія, этой смѣси «кошмара и безумія» съ «мучительной правдивостью» и страдальческой задушевностью? ³⁾

¹⁾ Стр. 195.

²⁾ Стр. 203.

³⁾ Идіотъ стр. 450.

Можно ли удивляться, что и въ семидесятыхъ годахъ, при полной зрѣлости огромнаго таланта Достоевскаго, мы встрѣчаемъ въ его романахъ психопатологію вмѣсто психологіи и нерпическую, болѣзненную фантазію вмѣсто художественнаго воспроизведенія дѣйствительности?

Не такъ написаны «Записки изъ Мертваго дома», и вотъ отчего онѣ и останутся вѣчной книгой, которой никогда не прочитаешься досыта, какъ не прочитаешься Пушкинымъ, Гоголемъ и Записками Охотнива.

Въ 1859 г. Достоевскій прощенъ, и ему дозволено выйти изъ отставку и вернуться въ Россію. Въ этомъ же году онъ печатаетъ двѣ большія повѣсти: «Дядюшкинъ сонъ» (Русское слово) и «Село Степанчиково и его обитатели» (От. Зап.).

«Дядюшкинъ сонъ» — одно изъ наименѣ субъективныхъ произведеній Достоевскаго. Тема его до крайности невинная, не имѣвшая ни малѣйшаго отношенія къ ягучимъ вопросамъ дѣйствительности: это исторія неудачной попытки женить полуразвалившагося старика на красивой и умной барышнѣ. Интересна общая идея о томъ, что и самая лучшая дѣвушка можетъ продать себя за деньги „по сложившимся обстоятельствамъ“; интересно и сопоставленіе развалины, любезника-аристократа XVIII столѣтія и хорошей сильной современной дѣвушки. Но самъ Достоевскій былъ, очевидно, недоволенъ тѣмъ, какъ онъ обработалъ это оригинальное положеніе, и черезъ 16 лѣтъ переработалъ его вновь въ «Подросткѣ», значительно реальнѣе и глубже. А что касается до общей идеи, то въ ней нельзя не видѣть тѣснаго литературнаго сродства съ Онегинимъ Пушкина.

Достоевскій при всей своей нервности и впечатлительности — человѣкъ, замѣчательно устойчивый въ своихъ задушевныхъ убѣжденіяхъ и симпатіяхъ. Поэтому, исходя изъ любого крупнаго его произведенія, можно разсматривать всю его предыдущую жизнь и дѣятельность, какъ подготовленіе къ этому произведенію, и все послѣдующее, какъ дальнѣйшее совершенно логическое послѣдствіе. Это одна изъ важнѣйшихъ причинъ его обалтательнаго вліянія на друзей и на все общество; въ этомъ его сила, особенно поражающая во время того перелома въ русскомъ обществѣ, который произошелъ въ 60-хъ годахъ, перелома послѣ котораго вчерашніе столпы отечества готовы были сего

два почувствовать анархистамъ, а вчерашніе либералы, даже мученики свободомысліи, сегодня дѣлались крайними консерваторами и съ пѣной у рта требовали казни своихъ же учениковъ.

Достоевскій остался чуждъ этой почти повальной слабости своего вѣка; онъ каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку. Онъ былъ религиозенъ въ дѣтствѣ; онъ въ 25 лѣтъ до глубины души огорчался нападами на религію самыхъ уважавшихъ имъ людей; онъ горячо молился въ каторгѣ и умеръ съ текстомъ Евангелія на устахъ.

Въ 22 года онъ идеализируетъ русскую учащуюся молодость въ студентѣ Покровскомъ, и въ 50 лѣтъ, когда большинство его сверстниковъ готово спотрѣть на нее, какъ на какую то изву, онъ относится къ ней съ той же душевной теплотой и симпатіей. 13 лѣтнимъ мальчикомъ онъ поклоняется Пушкину, и 60 лѣтнимъ старикомъ онъ выражаетъ тотъ же безграничный восторгъ передъ нимъ. Его знаменитая рѣчь посвящена, какъ вы знаете, апобозу Татьяны въ Онѣгина. Татьяна именно тотъ идеальный типъ, который занимаетъ Достоевскаго всю его жизнь; черезъ эту поэтическую призму онъ смотритъ на русскую женщину вообще, и оттого такъ идеально благородны, такъ страстны къ самопожертвованію, такъ прекрасны душою всѣ женщины Достоевскаго.

„Дидюшкинъ сонъ“, на мой взглядъ, — отсюда на тему пушкинской Татьяны. Достоевскаго мучитъ мысль, какимъ образомъ такая благородная дѣвушка, какъ Татьяна, могла поддаться уговорамъ родныхъ и, любя Онѣгина, выдти замужъ за важнаго генерала. И вотъ онъ воссоздаетъ современную ему Татьяну въ лицѣ Зины, напITYиваетъ ее Шекспиромъ и свѣтлыми идеями, влюбляетъ ее въ хорошаго, но слабовольнаго человека, болѣзненно самолюбиваго мечтателя, котораго, какъ и героя „Бѣлыхъ ночей“ списываетъ съ одной стороны своего характера, разочаровываетъ ее въ него, не истребляя любви въ ея сердцѣ—такіи женщины, какъ она, любятъ только одинъ разъ и навсегда — и ставятъ ее въ такое положеніе, что она готова выдти замужъ за развалину — князя. Заключительная сцена, гдѣ Зина является женой сибирскаго генералъ-губернатора, конечно, женой вѣрной и вполне достойной своего положенія—прямо комментарий въ повѣствовательной формѣ на послѣднюю часть Онѣгина.

„Село Степанчиково“ — произведение вполне оригинальное, и темь эта у Достоевскаго уже никогда повторилась. Обрабатываетъ его Достоевскій еще въ Сибири и, кажется, въ 1856 г. О немъ, я полагаю, говоритъ Достоевскій въ письмѣ къ Ап. Майкову отъ 18 января 1856 г. „Я шутя началъ комедію и шутя вызвалъ столько комической обстановки, столько комическихъ лицъ и такъ понравился мнѣ мой герой, что я бросилъ форму комедіи, не смотря на то, что она удавалась, собственно для удовольствія какъ можно дальше слѣдить за приключеніями моего новаго героя и самому хохотать надъ нимъ. Этотъ герой мнѣ вѣсколько сродни. Короче, я пишу комическій романъ, но до сихъ поръ все писалъ отдѣльными приключеніями, написалъ довольно; теперь все сплываю въ цѣлое“.

Если мое предположеніе справедливо (а опровергнуть его можно только, допустивъ другое предположеніе, на на чемъ не основанное, что Достоевскій въ 1856 г. работалъ надъ другимъ комическимъ романомъ, который потомъ забросалъ и истребилъ), въ вышеназванныхъ словахъ мы имѣемъ ключъ къ пониманію главнаго характера „Села Степанчиково“ — и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ интереснѣйшихъ примѣровъ того, какъ поэтъ пользуется дѣйствительностью для созданія того, что, по нѣжданному, совсемъ не похоже на эту дѣйствительность.

Что общаго между примодушнымъ, правдивымъ Достоевскимъ и приживальщицею Фомою Фомичею, безобразнымъ лодочникомъ, напуганнымъ эгоистомъ и деспотомъ, избалованнымъ почти пѣтоскимъ поклоненіемъ старой генеральши и благодушнаго до непростительной слабости дядюшки? По нѣжданному, ничего. Но Достоевскій усматриваетъ въ себѣ болѣзненно раздражительное самолюбіе, проводитъ его связь съ капризничаньемъ, съ заносчивостью, съ желаніемъ пластовать надъ окружающимъ посредствомъ притворнаго униженія, съ эгоизмомъ наконецъ, который былъ всегда до крайности противенъ ему, и рѣшается раздѣлаться съ собою за эти антипатичныя качества. И вотъ онъ создаетъ творческой фантазіей такія условія, при которыхъ это самолюбіе достигаетъ высшей, почти патологической степени развитія и выводитъ на сцену въ высшей степени оригинальный типъ, не комическій — онъ не способенъ къ этому по свойству своего таланта, а трагикомическій и безусловно отрицательный, и что въ родѣ русскаго Тартюфа.

Но Достоевскій слишкомъ любить людей, чтобы не попытаться возбудить въ читателѣ жадость даже къ этой невсормченной душѣ, чтобы хоть на минуту не сдѣлать своего героя добрымъ, хотя бы на половину изъ расчета, и онъ заставляетъ Оому устроить счастье идеально добраго дяди.

На одномъ изъ второстепенныхъ лицъ этой повѣсти можно наглядно показать противоположность мироозернія и связанную съ этимъ разность пріемовъ творчества Достоевскаго и Писемскаго. Здѣсь дѣйствуетъ старая дѣва Татьяна Ивановна, вѣчно мечтающая о любви и замужествѣ. Въ повѣсти Писемскаго «Виновата ли она?» (которую Чернышевскій называлъ лучшимъ произведеніемъ за цѣлый 1855 г.) дѣйствуетъ М-ше Марашева, тоже дѣвица «не совсемъ пріятной наружности и недостаточнаго чела лѣтъ», тоже питающая необыкновенно сильное желаніе составить себѣ партію. Обѣ дѣвицы—живыя фигуры, но похожи другъ на друга также мало, какъ Донъ Кихотъ на контрабандиста и придорожного разбойника. М-ше Марашева—заурядная хитрая проныра и эгоистка, но при этомъ дѣвица вполнѣ приличная, изъ которой, при удачѣ ея исканій, можетъ выйти гоголевская «дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ»; Татьяна Ивановна—исключительное явленіе: несчастная полупомѣшанная, смѣшная своими претензіями нравиться, но въ душѣ—ангелъ доброты и кротости¹⁾.

Изъ повторающихся у Достоевскаго характеровъ здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на самолюбиваго лакея Видюшасова, въ которомъ впервые мелькаютъ черты будущаго Смердякова, и на «свадебнаго шутовой», добровольнаго шута Ежешкина, который представляеть разновидность того же бессмертнаго типа, который мы имѣемъ въ чиновникѣ Попровскомъ, знамени- томъ Мармеладовѣ и капитанѣ, отцѣ Илюши.

Въ 1861 г. Достоевскій уже окончательно основался въ

¹⁾ Оригинальность «Села Степанчикова» въ цѣломъ не исключаетъ, конечно, возможности предполагать невольныя и безсознательныя заимствованія въ частности: поводъ о похищеніи Татьяны Ивановны очень напоминаетъ подобное же неудачное похищеніе старой дѣвы изъ «Записокъ Пиквишскаго Клуба» Диккенса.

Вотати замѣтимъ, что Писемскій не любилъ и не понималъ Диккенса и напротивъ, преклонился передъ его соперникомъ пессимистомъ Теккеремъ (См. статью о Гоголѣ 1855 г.).

Петербургъ, и вмѣстѣ съ братомъ издаетъ ежемѣсячный журналъ «Время», въ которомъ печатаетъ свой первый большой романъ «Униженные и Оскорбленные», и «Записки изъ Мертваго дома».

«Время» въ исторіи русской журналистики незабвенной памяти 60 хъ годовъ займетъ, безъ сомнѣнія, видное и самостоятельное мѣсто. Надо было имѣть большую дозу гражданского мужества, чтобы въ эпоху такой ожесточенной борьбы крайностей выступить съ проповѣдью середины, съ проповѣдью того гуманнаго либерализма, который въ то время звучалъ чуть не омерзение обоимъ лагерямъ и однимъ казался добродѣтельно Молчалина, а другимъ — только маской самыхъ разрушительныхъ и антипатріотичныхъ началъ; публикѣ же — повтореніемъ задовъ, лишеннымъ перцу и соли. Что же касается до идеи народности, которую журналъ Достоевскаго написалъ на своемъ знамени, это была растяжимая и въ то время до того неустановившаяся идея, что вслѣдъ понималъ ее по своему и вслѣдъ былъ убѣжденъ, что его пониманіе есть единое истинное; для массы же она была хорошимъ словомъ, не болѣе; вопросъ былъ въ томъ, какъ новый органъ будетъ выяснять и проводить ее.

«Время», какъ извѣстно, имѣло успѣхъ положительный. Но я говорю о Достоевскомъ, какъ о художникѣ, и ограничиваюсь утвержденіемъ, что его романъ, а тѣмъ болѣе «Записки» способствовали этому успѣху въ наибольшей степени.

Романъ «Униженные и Оскорбленные» не очень высоко ставили и самые близкіе друзья Достоевскаго; это фелъетонный романъ, говорили они; въ немъ куклы, а не люди, ходятъ книжки, а не лица, принявшія художественную форму¹⁾, и самъ авторъ соглашался съ ними, называлъ свой романъ пронаведеніемъ д и к л мъ²⁾. Самый даровитый и вліятельный критикъ того времени Добролюбовъ поставилъ его ниже эстетической критики и поставилъ не голословно и не изъ духа партіи, а съ очень и очень вѣскими доводами и при полной симпатіи къ автору.

¹⁾ Матеріалы и пр. 208.

²⁾ Но признавалъ, что въ немъ есть полъ-сотни страницъ, которыми онъ можетъ гордиться, и два серьезныхъ характера.

А наивніе публіци, очевидно, совсѣмъ другое: въ нѣсколько лѣтъ романъ этотъ выдержалъ 5 изданій и до сихъ поръ читается почти такъ-же усердно, какъ «Преступленіе и Наказаніе» и «Карамазовы» и значительно больше, чѣмъ «Подростокъ», «Идіотъ» и «Бѣсы».

Романъ, дѣйствительно, имѣетъ вопіющіе недостатки и недостатки той страшной поспѣшности, съ которой писалъ его Достоевскій (онъ въ то же время велъ и нѣсколько другихъ отдѣловъ въ журналѣ и несъ на себѣ по крайней мѣрѣ половину заботъ по редакціи)¹⁾; а все таки, скорѣй права публика, чѣмъ друзья Достоевскаго, и «Униженные и Оскорбленные» займутъ высокое мѣсто въ исторіи литературы.

Дѣло въ томъ, что здѣсь впервые развернулось нравственное міросозерцаніе вполне созрѣвшаго Достоевскаго, и здѣсь оно не затемнено политикой и публицистикой. Основа этого міросозерцанія одинаково доступна и мудрецу и ребенку: это вѣра въ человека, въ чистоту его сердца, и глубокое убѣжденіе, что спасеніе отъ всѣхъ золъ жизни въ нашей власти: надо только исполнить евангельскую заповѣдь: возлюби ближняго, какъ самого себя. Люди такъ добры по природѣ и всѣмъ такъ хочется счастья. Люди совершаютъ и дѣлаютъ зло только по недоразумѣнію; поймемъ это, и зло исчезнетъ. «Пусть они проклинаютъ насъ, говорятъ Алеши, а мы будемъ любить ихъ, и они не устоятъ и простятъ намъ», и мы всѣ будемъ счастливы.

Этотъ Алеша — одинъ изъ тѣхъ характеровъ, оригинальностью которыхъ справедливо гордился Достоевскій; это дѣйствительно его созданіе, а не «старая погудка на новый ладъ». Алеша — взрослый ребенокъ, чистый сердцемъ, несмотря на свое воспитаніе въ аристократическомъ домѣ негодяя — отца, несмотря на свою жизнь въ кругу петербургской золотой молодежи; онъ настолько невиненъ и прекрасенъ душою, что никакая грязь къ нему не приставетъ, и что бы онъ ни дѣлалъ — а онъ можетъ дѣлать и дурные поступки — всѣ хорошіе люди, всѣ дѣти и всѣ животныя всегда будутъ любить его. Онъ ограниченъ, легко-

¹⁾ Романъ написанъ до того небрежно, что рассказчикъ Иванъ Петровичъ въ началѣ заявляетъ, что онъ умираетъ въ больницѣ, а въ концѣ оказывается почти здоровымъ и полнымъ надеждъ на счастье.

мысленъ, вѣчно подъ чужимъ вліяніемъ, а все таки же всегда и по всей правѣ, потому что не знаетъ зла и не можетъ понять его. Алеша одновременно любитъ дружъ дѣвушекъ и одновременно любимъ ими облами, и такова сила его душевной чистоты и правдивости, что онъ заставляетъ этихъ дѣвушекъ-соперницъ любить и уважать другъ друга, и каждая изъ нихъ готова пожертвовать собою и своею любовью для его счастья съ другою. Кто не читалъ романа или забылъ его, тому такая сабуда покажется смѣшной и неаппетитной; но въ томъ то и сила Достоевскаго, что онъ сдѣлать возможной и вѣроятной эту святую неаппетитность¹⁾.

Идеал чистой отъ эгоизма, всепроникающей любви выражена въ рассказикѣ Иванѣ Петровичѣ²⁾. Какъ бы ни былъ нищине добръ и благороденъ, но если любимая имъ и когда то любимшая его женщина, объявляетъ ему, что она полюбила другого, онъ считаетъ своимъ долгомъ отшатнуться отъ нея; если же онъ будетъ помогать ея новой любви, способствовать ея счастью съ другимъ, его назовутъ тряпкой, человекомъ безъ самолюбія. Иванъ Петровичъ, недавно почти женихъ Наташи, безъ борьбы съ собою остается ея вѣрнымъ другомъ, помощникомъ и защитникомъ, когда она любитъ Алешу, и не чувствуетъ при этомъ никакого униженія, хотя онъ человекъ самолюбивый и мнительный. И при этомъ имъ руководитъ вовсе не собачья признанность, не слѣпая патологическая страсть (такую, напр., изображаетъ Тургеневъ въ «Вешнихъ Водахъ») и не низкій расчетъ на то, что Наташа когда нибудь все же возвратится къ нему, а именно забывающая о себѣ любовь и сознаніе, что онъ необходимъ для Наташи, которая не можетъ быть вполне счастлива, убѣждаясь отъ отца съ матерью.

Ту же идею въ большей или меньшей степени выражаютъ

¹⁾ Изъ предшественниковъ Достоевскаго такое отношеніе между соперницами, встрѣчается, сколько помню, только у Гофмана («Рокосная глѣзъ событій» въ Серапионовыхъ братьяхъ). На «Униженныхъ и Оскорбл.» видна вліяніе Гофмана и въ некоторыхъ другихъ пунктахъ: Смиръ съ своей собачкой, какъ указываетъ и самъ Достоевскій, — совершенно гофмановская фигура.

²⁾ Она мелькала уже въ «Взглядъ почтахъ», а теперь черезъ 15 лѣтъ наша богѣ яркое выраженіе.

и другія лица романа: и старики Ихменевы, и миллионерша Катя, ребенокъ-женщина, и пылкій шантажистъ Маслобоевъ, и Александра Семеновна, и когда то болѣзненно-озлобленная, но подъ первымъ прикосновеніемъ любви и добра быстро перерождаясь Нелли ¹⁾).

Всѣ эти лица совсѣмъ не похожи между собою, но всѣ они горячо любящіе и «душевные» люди. Если у Гоголя и у Писемскаго читатель изумляется тонкимъ отбываніемъ, которые отличаютъ массу пошлыхъ и дрянныхъ человѣчковъ другъ отъ друга, у Достоевскаго, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ романахъ, онъ поражается количествомъ такъ называемыхъ положительныхъ типовъ. Въ этомъ противоположность Достоевскаго и Писемскаго. А вотъ въ чемъ ихъ существенное сходство: Въ «Униженныхъ и Осворбленныхъ» изъ всѣхъ хорошихъ людей выставленъ только одинъ злодѣй — князь; но за то это такой злодѣй, какихъ Достоевскій не видалъ и на ваторгѣ: безъ всякихъ признаковъ чести и совѣсти. Достоевскій самъ былъ слишкомъ пылкой человѣкъ, слишкомъ идеаленъ, чтобы унѣть соблюдать мѣру при изображеніи зла. Но если мы отягчимъ преувѣдчивіе, смягчимъ густоту пресовъ, князь, отецъ Алени, окажется холоднымъ, безжалостнымъ, эгоистомъ, интригомъ въ душѣ и по подкладкѣ своихъ дѣйствій, но чрезвычайно приличнымъ и деликатнымъ съ виду, въ тонѣ же человѣкомъ, замѣчательно унылымъ и пріятнымъ въ обхожденіи — т. е. дѣй канли воды княземъ изъ «Тысячи душъ» ²⁾, который играетъ такую роковую роль въ судьбѣ Калиновича и къ которому объективный Писемскій относится съ нескрываемою злобой. Я полагаю, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о литературномъ заимствованіи, о вліаніи

¹⁾ Это одинъ изъ самыхъ грандіозныхъ и поэтическихъ характеровъ Достоевскаго, характеръ вполне оригинальный по существу, хотя и польза, я думаю, отягчать въ немъ вліаніе чуднаго созданія Гете Мильоны. Къ этому характеру Достоевскій подходилъ еще въ Петочѣ Нина Павлов; онъ уже и тогда любилъ и понималъ дѣтей «съ мрачнымъ впечатлѣніемъ въ белой душѣ». Нелли такъ удалась Достоевскому, что онъ уже не повторилъ ея, но пользовался отдельными чертами и въ «Подросткѣ» и въ «Братьяхъ Карамазовыхъ». (Лиза Хохлакова).

²⁾ Первый болѣе слабый очеркъ того же тона у Писемскаго—Владимір Андреевичъ въ «Тюфякѣ».

«Тысячи душъ» на «Униженныхъ и Оскорбленныхъ»¹⁾, а только естественное совпаденіе. Какъ ни несходны Писемскій и Достоевскій по темпераментамъ, по условіямъ жизни, оба они честные русскіе писатели 60-хъ годовъ, ученики однихъ и тѣхъ же учителей, люди съ сильной демократической жиакой²⁾, съ ненавистью къ лицемерию и любовью къ правдѣ.

Романъ Достоевскаго, какъ и «Тысяча душъ», ованчиваются полнымъ благополучіемъ для негодня князя: князь Писемскаго вышелъ сухъ изъ воды, низвергъ губернатора Калиновича и благополучно обобралъ Полинну. Князь Достоевскаго женилъ сына на милліонершѣ, благополучно надулъ Маслобоева и самъ собирается жениться на молоденькой дѣвушкѣ; правда, одинъ ихъ нихъ имѣетъ пріятное воспоминаніе о заключеніи въ острогѣ, а другой носитъ пощечину отъ Ивана Петровича; но они люди безъ предрасудковъ и для нихъ это совершенные пустяки.

Иная судьба положительныхъ типовъ: Ихменевы проиграли процессъ; Наташа опозорена, и жизнь ея разбита. Но читатель не промѣняетъ участи несчастнаго отца ея на участь побѣдителя князя: «Пусть мы униженные, пусть мы оскорбленные, но мы опять имѣемъ, и пусть, пусть теперь торжествуютъ эти гордые и надменные, униженные и оскорбленные насъ! Пусть они бросятъ въ насъ камень! Мы пойдемъ рука въ руку, и я спажу имъ: это мой дорогой, мой возлюбленная дочь... вотрую и благословляю во вѣки вѣковъ».

Въ томъ же 1861 г., когда Достоевскій возстановилъ былую славу вѣктора «Бѣдныхъ людей» своимъ романомъ («Дядюшкинъ сонъ» и «Село Степанчиково») надо были замѣчены критикой и публикой вслѣдствіе своей отдаленности отъ интересовъ дня, а «Запискамъ изъ Мертваго дома» пріобрѣлъ глубокую симпатію всѣхъ партій, Писемскій, въ качествѣ фельетониста Библіотеки для Чтенія Никиты Безрылова, вызвалъ противъ себя бурю негодованія со стороны прогрессивной петербургской печати насмѣшками надъ

¹⁾ Хотя не могу не отмѣтить, что оба князя называютъ свою душу бѣднѣкамъ въ сходной обстановкѣ.

²⁾ Припомнимъ, что князь у Достоевскаго совсѣмъ не исключеніе изъ своего общества, напротивъ, самый даровитый представитель его.

литературными вечерами и воскресными школами. Насмѣшки были въ сущности довольно благодушны, и гоненіе на Писемскаго, безъ сомнѣнія, скоро окончилось бы пустяками. Но буда въ томъ, что Писемскій почувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ, объединилъ своихъ преслѣдователей съ врагами Россіи, рѣшилъ вступить съ ними въ борьбу и изъ объективнаго художника одѣлся писателемъ партіи. Если бъ онъ сталъ для этого газетнымъ сотрудникомъ, онъ, конечно, скоро взялъ бы свое негодование и успокоился. Къ несчастію, онъ воспользовался, какъ орудіемъ, своимъ творческимъ талантомъ, и заслѣлъ за большой романъ, который и напечаталъ въ 1863 г.

«Вабаломученное море», которымъ Писемскій погубилъ свою славу,—плохой романъ, но написанъ мѣстами талантливо и умно. Относительно задачи своей авторъ не оставляетъ насъ въ сомнѣніи: «Если здѣсь не отразилась вся Россія, говорить онъ въ заключеніи: то за то тщательно собрана вся ея ложь». Разъ самъ поэтъ признаетъ за своимъ романомъ такую односторонность, притва и исторіи литературы, конечно, не имѣютъ права ожидать отъ него художественной полноты и объективности. Романъ, какъ видъ искусства, требуетъ всесторонняго воспроизведенія жизни, которая никогда и нигдѣ, а тѣмъ болѣе въ эпоху великихъ реформъ, не можетъ состоять изъ одной лжи и безобразій.

«Вабаломученное море» изображаетъ жизнь Россіи въ 40-хъ годахъ, въ эпоху освобожденія крестьянъ и сейчасъ же послѣ нея. Въ приснопамятныя времена первостепеннаго права по «Вабаломученному морю» въ Россіи все гадло и мерзко: чиновники все поголовно вяточкики; крупные бары — низкіе сластолюбцы, мелкіе — грубые нещѣды и дураки, лишеныя всякаго чувства человѣческаго достоинства; женщины или развратницы или ханжи; мужики и дворовые — рабы умные и безобразные. Слабыми, слабыми свѣтомъ мерцаетъ что то въ учащейся молодежи, въ студентахъ московскаго университета; они кое чему учатся, кое о чемъ думаютъ и мечтаютъ; но ихъ протесты противъ гадной дѣйствительности сводятся только къ бросанію дохлыхъ кошечъ нелюбимымъ танцовщицамъ и къ неуваженію родителей, и ихъ силы уходятъ на пустую болтовню и зубреніе тетрадокъ въ экзаменахъ. Кончился послѣдній экзаменъ, и молодежь разбѣгается по обширной землѣ русской; бѣдность

стремится получить и бесечно, чтобы пользоваться и грабать народъ; а юные пощипшии бдутъ въ деревню соблазнить крестьянскихъ дѣвушекъ или въ Петербургъ служить по претенціи. Ближняя эпоха реформъ; для реформъ нужны люди, а гдѣ взять ихъ? Есть люди умные и добрые, какъ Никитополоновъ; но они безчестные христородавцы; есть люди съ некоторымъ образованіемъ и пониманіемъ добра, какъ Балзановъ; но они фразеры, дѣйтан и жуиры; а всѣ остальные и невѣжды и мошенники и шесты.

Такимъ образомъ «благодѣтельная гласность» переходитъ въ руки недоучившихся издѣтъ, которые дѣлаютъ изъ нея шантажъ; освобожденіе крестьянъ только подаютъ поводъ къ созданію новыхъ формъ грабительства народа. Подпольная изданія и разнузданная литература фанатизируютъ недоучившуюся молодежь, и та идетъ бунтовать народъ, и лучшіе, самые сильные и правдивые представители ея попадаютъ на каторгу; остаются только негодяи и трусы.

Ужасная картина, если бѣ она не страдала такимъ явнымъ преувеличеніемъ и явной односторонностью! Самый предубѣжденный изъ пользу Писемскаго читатель не пойметъ, откуда дѣти жуировъ 40-хъ годовъ набрались духу крайняго отрицанія, и самый добрычливый не подтвердитъ, чтобы русское общество великой эпохи преобразованія все было такъ мерзко и глупо; реформа не могла совершаться безъ людей, и вѣдь она все таки же совершилась.

Писемскій, пощипшию, самъ это чувствовалъ и вывелъ одного порядочнаго чиновника и энергичнаго дѣятеля въ лицѣ мирового посредника Варетина; но онъ не живой человекъ, а ходячая мораль, хотя авторъ и пытался придать ему плоть и кровь едва ли достойнымъ такого крупнаго романиста приемомъ: онъ приурочилъ къ нему одну много надѣлавшую въ то время шуму университетскую исторію.

Въ чемъ же связался талантъ и трезвый умъ Писемскаго въ этомъ памфлетномъ произведеніи? Конечно, въ художественной его части и именно въ изображеніи людей 40-хъ годовъ, которыхъ онъ хорошо зналъ и къ которымъ онъ самъ принадлежалъ. Лучше всѣхъ у него вышелъ самъ герой Балзановъ, жизнь и направленіе котораго Писемскій изображаетъ слѣдующими жѣткими словами:

«Онъ правдою выросъ, недурно поучился, поступилъ по протекціи на службу, благородно и дѣяно послужилъ, выгодно женился, совершенно не умѣлъ распорядиться своими дѣлами, и больше мечталъ, какъ бы пошалить, порѣзвиться и неурядицѣй провести время.

Онъ представитель того ряда людей, которые до 1855 г. замирали отъ восторга въ итальянской оперѣ и считали, что это высшая точка человѣческаго назначенія на землѣ, а потомъ сейчасъ же стали, съ увлеченіемъ и вѣрою шкотовиковъ, читать потихоньку Колоколовъ. Внутри, въ душѣ у этихъ господъ нѣтъ, я думаю, никакого самоудовольствія, но за то натираться чѣмъ угодно снаружи величайшая способность».

Баклановъ, правда, набросанъ слишкомъ широкими мазками, не отдѣланъ, не вырисованъ; но онъ все таки же типъ и живой человѣкъ, живой въ своей избалованности и самоудовольствіи, въ своихъ юношескихъ увлеченіяхъ, въ благородныхъ порывахъ и часто безчестныхъ дѣйствіяхъ, живой въ искренности и недогадливости своихъ мученій совѣсти, въ своихъ вспышкахъ энергій и въ своей полнѣйшей безхарактерности. Нельзя уважать такого человѣка, нельзя вѣрить словамъ его и обѣщаніямъ, и въ его раздорѣ съ женой, конечно, всякій встанетъ на ея сторону; но никто и не удивится, если впоследствии дѣти будутъ больше любить своего безпутнаго и слабого отца, чѣмъ всегда правдивую и строгую къ себѣ мать.

Неживой человѣкъ Баклановъ только тогда, когда Писемскій его устами обличаетъ фантастическія теоріи молодежи 60-хъ годовъ и застаиваетъ его возмущаться ихъ безнравственностью. Романистъ до того увлеченъ борьбою партій, до того ему самому говорить хочется, что онъ забываетъ, какимъ легкомысленнымъ жукомъ и рабомъ модныхъ мнѣній выставлялъ онъ все время Бакланова.

И это тотъ самый Писемскій, котораго вначалѣ 50-хъ годовъ даже поклонники упрекали за излишнюю объективность; на полное укрывательство себя и своихъ мнѣній. Вотъ до чего доводитъ человѣка тенденціозность въ горячую эпоху борьбы!

Живой человѣкъ и несчастная героиня романа, кончающая свою карьеру въ парижской долговой тюрьмѣ, Соен Ленева, въ изображеніи сивической прасоты, которой Писемскій достигаетъ гомеровскаго эфекта: онъ не говоритъ ни объ одной чертѣ ея,

кроме толстой черной косы, но онъ такъ живо рисуетъ ея чарующее дѣйствіе на всѣхъ нищихъ, умныхъ и глупыхъ, молодыхъ и старцевъ государственныхъ людей и писателей, откупщиковъ и ошцеровъ, что читатель не можетъ не понять, какое это «презестное Божье созданіе».

И это презестное Божье созданіе въ 17 лѣтъ добровольно выходитъ замужъ за богатаго старика, который ей протинеть; въ 26 л. продается откупщику, а потомъ мѣняетъ своихъ возлюбленныхъ, какъ перчатки, и даже одновременно ведетъ нѣсколько интригъ.

Что-же? Отъ природы ли она такая развратница или внѣшнія условія ея жизни такъ страшно тяжелы, что толкаютъ ее въ въ этотъ смуть?

Ни то, ни другое. Въ 17 лѣтъ она только душно воспитанная и избалованная дѣвочка, слишкомъ высоко цѣнящая богатство, какъ, впрочемъ, и всѣ вокругъ нея. Она вовсе не считаетъ себя обязанною говорить всегда правду, а вывернуться лонкой ложью считаетъ даже достоинствомъ; но это потому, что и въ домѣ, и въ пансіонѣ, гдѣ ее ничему не обучили, кроме французской болтовни, всѣ вокругъ нея лгали, кто какъ умѣлъ. Она не прочь пошекетничать съ кѣмъ угодно, но только потому, что легкое пошекетство для всякой хорошенькой дѣвушки считеться обязательнымъ: это ея естественное орудіе для успѣха въ жизненной борьбѣ. У нея нѣтъ никакихъ нравственныхъ правилъ, но потому, что ей никто не внушалъ ничего. У нея есть только истиннѣйшее пониманіе добра и зла; но этотъ истиннѣйшій остатокъ неразвитаго всю жизнь; она болѣе всего любитъ свое удобство, роскошь, всеобщее поклоненіе, и у нея нѣтъ силы противиться внѣшнимъ толчкамъ.

Въ объятіи старика Лесева ее толкаетъ провинціальное общество и флигель-адъютантъ, который поухаживалъ за ней рожно настолько, чтобы возбудить въ ней надежды и потомъ равнодушно ушелъ отъ нея изъ страха за свою карьеру. Въ объятіи откупщика толкаетъ ее Баллаковъ, который на основаніи провинціальнаго свлестенъ устраиваетъ ей возмутительную грубую сцену и безжалостно покидаетъ ее въ самую ужасную для нея минуту. Черезъ нѣсколько лѣтъ она мечтаетъ возродиться въ новой жизни, сойдясь съ тѣмъ же Баллаковымъ; но

онъ женить, отецъ семейства а главное ужасно безхарактеренъ, а изъ его слабыхъ и холодныхъ объятій она, пользуясь своею свободою, бросается, что называется, «во ней тяжкія».

Кто броситъ камень въ эту невѣстную женщину? Конечно, прежде всего то общество, которое проводило такіе пріятные вечера въ ея гостиной, убранный на деньги откупщина и сизонизась передъ нею даже на генераль-губернаторскихъ балахъ.

Авторъ «Взбаломученнаго моря» до того увлекаетъ тенденціозностью, что и въ изображеніи Соои Леповой имѣетъ въ одномъ мѣстѣ въ непростительную ошибку: онъ приписываетъ ей сознательное намѣреніе «посвятится надъ таинствомъ брака»¹⁾ и такимъ образомъ подготавливаетъ въ ней будущій центръ ингилистическаго кружка.

Но развѣ такая женщина ребенокъ, да еще въ 17 лѣтъ въ состояніи имѣть такіа злостныа намѣренія? Авторъ, повидимому, и самъ почувствовалъ неумѣстность политической роли и не шутялъ ее въ заговоръ противъ существующаго порядка.

Для историка литературы—а въ «Взбаломученному морю», я полагаю, уже можно отвѣстись съ исторической объективностью—драгоценнаа важная черта сходства въ изображеніи русскаго культурнаго человека двумя романстами съ такимъ несходнымъ міросозерцаніемъ, какъ Достоевскій и Писемскій. Ничего подобнаго Баиланову и Соои Леповой мы, конечно, не встрѣчаемъ и не можемъ встрѣтить у Достоевскаго: онъ не знаетъ такихъ людей, да и знать не хочетъ. Но у этихъ эгоистичныхъ, легкомысленныхъ и безпутныхъ субъектовъ есть одна черта,—и черта не второстепенная,—которая роднитъ ихъ съ героями Достоевскаго, это—русское благодушіе, готовность поступиться своимъ интересомъ, чтобы не нанести другому никакого и существеннаго вреда. До чего Соои Лепова любитъ деньги! за нихъ отдаетъ она и свою свободу и честь и свое столь въжидлюбимое прекрасное тѣло. И все-таки, когда говоритъ ей, что на крестьянъ, отказавшихся признать ея право наслѣдства, идетъ «ломанца», она падаетъ къ ногамъ Баиланова и кричитъ:

— Не надо, не надо! Я отъ всего лучше отступилась!²⁾

¹⁾ I, 141.

²⁾ V, 91.

А замѣтите, что эти самые крестьяне только вчера разобидѣли ее и разозлили до того, что она готова была избиваться своими холодными руками въ бороду старосты.

И замѣтите, что Баклановъ, обладающій, какъ мущина, божье вѣршица нервами, вполнѣ понижаетъ ее и осылается только на посредника, который уже не можетъ отступиться. Очевидно, Баклановъ и самъ на ее мѣстѣ поступилъ бы также, хотя и онъ, такъ же мало, какъ Софи, умѣетъ жить безъ денегъ. Не такъ дѣйствовалъ бы деликатный и красивѣющій, какъ дѣвица, лордъ Плумбокъ, еслибъ кто нибудь осмѣлелся задѣть его имущественныя права ¹⁾.

Софи Ленева, жрица свободной любви, противопоставляется въ романѣ женѣ Бакланова Евпраксіи, женщиной дома и семейнаго очага. Въ ней Писемскій попытался создать идеалъ русской женщины, но какъ реальность, положилъ въ основу этого идеала живое лицо (свою жену, какъ онъ самъ говоритъ въ своей автобіографической запискѣ, женщину, дѣйствительно, рѣдкихъ достоинствъ по отзывамъ всѣхъ ее знавшихъ). Попытку нельзя назвать очень удачной: ледяная Евпраксія, которая «съ удивленіемъ» ²⁾ смотритъ на своего жениха, расточающаго ей вѣжливости, Евпраксія, съ которой и въ любви объясниться надо черезъ слуху, вышла какою то нравственнымъ уродомъ, отъ которой немудрено обижать и не такому мужу, какъ Баклановъ. Ея необликовенная нравственная сила, самообладаніе, удивительная проинципальность ея ума покажутся явнымъ преувеличеніемъ самому нетребовательному читателю.

Устами этой то Евпраксіи Писемскій высказываетъ очень трезвую и въ то же время глубоко гуманную мысль, которую не захотѣла замѣтить враждебная ему критика, мысль, которую позднѣй съ такой настойчивостью въ длинномъ рядѣ образовъ проводилъ Достоевскій, ею и помирившій съ собою моло-

¹⁾ Достоевскій въ Дневникѣ Писателя (XII, 310) ведетъ эту черту даже и дальше предѣловъ желательнаго: «Въ большинствѣ порядочныхъ русскихъ людей царитъ потребность уступать, согласиться.... И это вовсе не отъ добродушія и не отъ трусости, а такъ, деликатность какая то».

²⁾ II, 133.

дов поколѣвіе: русскіе юные матеріалисты и революціонеры 60-хъ годовъ—въ сущности самые чистые сердцемъ и умомъ идеалисты, способные отдать себя за идею на все нуки¹⁾).

Не захотѣла замѣтить этого критика и прямо причли Писемскаго въ лагу Ключниковыхъ и Авераріусовъ, у которыхъ эти революціонеры были поголовно или мерзавцами или идіотами.

«Взбаломученное море» вызвало противъ Писемскаго такую бурю брани и насмѣшекъ, что для большинства русской публики онъ какъ будто умеръ съ тѣхъ поръ. А Писемскій былъ не изъ тѣхъ пророковъ, которые могутъ удалиться въ пустыню и бесѣдовать съ небесными звѣздами, и онъ не имѣлъ возможности, какъ Тургеневъ, отрясти отъ ногъ прахъ неблагоприятнаго отечества и уѣхать за-границу. Онъ перешагнулъ въ Москву, поступилъ вновь на службу, но продолжалъ писать до конца жизни своей.

Я ничего не скажу о позднѣйшихъ произведеніяхъ Писемскаго: о его большихъ романахъ и обличительныхъ и историческихъ драмахъ не потому, чтобы я всецѣло раздѣлялъ мнѣніе правдебнои ему критики: по моему мнѣнію, во всякомъ романѣ его есть живые типы и живыя и сильныя сцены и во всякой даже памфлетной его драмѣ есть одно величайшее для драмы достоинство—специальность; но потому, что въ моемъ бѣглои очеркѣ и долженъ ограничить себя или произведеніями, воистинно художественными, въ которыхъ сказался и вѣрный талантъ, а не крупянина его, или такими, которыми при крупныхъ недостаткахъ имѣли большое вліяніе на современниковъ. Здѣсь же не было ни того, ни другого. Хотя романы и драмы Писемскаго были значительно выше десятковъ произведеній, которыя прогремѣли въ концѣ 60-хъ и въ 70-хъ годовъ, подъ вліяніемъ установившихся въ критикѣ взглядовъ, ихъ мало смотрѣли и мало читали, да и читали только «бонивыи главами».

Въ 70-хъ годахъ я познакомился съ Писемскимъ и бывалъ у него почти во всякой свой пріѣздъ въ Москву; видалъ его и въ прачныя и въ свѣтлыя минуты; всегда поражалъ онъ меня

¹⁾ Взбалом. море, II, 224—5.

испостью своего огромнаго ума, силою своего рѣзкаго чисто народнаго остроумія. Но всегда послѣ бесѣды съ нимъ получалось въ обществѣ тивелое, тоскливое чувство. Нельзя было не сознавать, что это остатки былаго величія, что богатѣйшей талантѣ сошелъ со старой дороги, а новой не можетъ найти; что предѣждованіе однихъ, равнодушіе другихъ, жалостныя или неуважныя похвалы третьихъ не даютъ ему осмотрѣться, блещать его и ослѣпляють. А годы все уходятъ, и все громче звучать въ душѣ печальныя слова: моя пиесенка сыграна!

И не мало другихъ, хоть и меньшаго объема талантовъ и честныхъ литературныхъ дѣателей погубило преждевременною поразнымъ причинамъ въ присвопамятную эпоху 60-хъ годовъ. Что дѣлать! Таково непремѣнное условіе великаго крупнаго историческаго перелома.

Но не погибъ Достоевскій; онъ даже не подвергся пременной опалѣ, какъ Тургеневъ. Этотъ болѣзненно-нервный и самолюбивый человѣкъ въ опасную минуту оказался остороженъ и мудръ, «кто зній», остороженъ не изъ эгоистическаго чувства самосохраненія, а изъ уваженія къ печатному слову художника. Небрежно относился къ формѣ, онъ очень дорожилъ идеями своихъ произведеній, и пока идея не выносилась въ душѣ его, онъ не пытался обрабатывать ее. Движеніе 1861—3 гг. было слишкомъ сложно, и слишкомъ болѣзненно захватывало современниковъ, чтобы они могли немедленно разобраться въ немъ. До курьезнаго затуманилось сознаніе у старыхъ опытныхъ государственныхъ людей. Какъ же могъ художникъ, видѣвшій только то немногое, что всплывало на поверхность, схватить типы двигателей, уяснить себѣ ихъ цѣли, понять отношеніе къ нимъ общества, когда само общество только глухо полиновалось, и часто самыя двигатели не знали, куда они двигаются?

Правда, Тургеневъ выступилъ съ превосходнымъ романомъ «Отцы и дѣти». Но Тургеневъ въ немъ вовсе не пытался изобразить движеніе, а только создалъ типъ, который могъ бы быть двигателемъ, еслибъ захотѣлъ; но пока онъ вовсе этого не хочетъ и живетъ про себя. Что же касается Ситникова и Кукушкиной, то едва ли бы романъ много потерялъ, еслибъ ихъ исключили изъ него. Да и многіе ли въ то время поняли «Отцевъ и дѣтей» такъ, какъ ихъ понималъ самъ авторъ?

Достоевскій цѣлыя 6 лѣтъ молчитъ о «новыхъ людяхъ»¹⁾, присматривается къ нимъ и въ 1866 г. выступаетъ съ «Преступленіемъ и Наказаніемъ».

Еслибъ я задумала разбирать этотъ дѣйствительно великій романъ, мнѣ не хватило бы на него 2-хъ лекцій, да и въ тѣхъ, боюсь, я не сказала бы ничего для насъ новаго. Кто не изумлялся невѣроятной силой и яркости его психологія? Каковою даже съ крѣпкими нервами человѣкъ не переселился до того въ душу Раскольниковъ, что самъ начиналъ себя чувствовать виновнымъ въ тайномъ убійствѣ? Кто не признаетъ, что въ проповѣди величайшей идеи нашего вѣка — гуманности нельзя идти дальше Сонички Мармеладовой, ея пьяненькаго отца и ея большой мамухи? Кого не поразила блестящій умъ и страшная логичность знаменитой статьи Раскольниковъ о правѣ на преступленіе? и т. д. и т. д.; такими фигурами вопрошенія, продолжая ихъ хоть цѣлый часъ, не исчерпашь и десятой доли значенія этого романа, который и романомъ какъ то странно назвать, какъ Фауста Гете странно назвать драмою. Я ограничусь только указаніемъ на историко-литературное значеніе его идей, воплощенной въ Раскольниковѣ, какъ она мнѣ представляется по сравненію съ другими пронаведеніями Достоевскаго.

Реформа Петра, вызванная неотложной необходимостью, оторвала проницатѣльн классъ отъ народа. Разрывъ отъ времени идетъ все дальше и дальше (что уже вовсе не такъ необходимо).

Русская поэзія, начиная съ Пушкина, воспроизводитъ это постепенное удаленіе интеллигенціи отъ народа и увеличивающееся безпопеченное внутреннее страданіе лучшихъ представителей этой интеллигенціи. Дворяне екатерининскаго времени носятъ французскіе наметы, говорятъ и думаютъ по французски, но она еще близки народу; они тѣшатся «кудачными боями и греблей удалыхъ гребцовъ»; большинство ихъ вѣруеть народную вѣру, да и волтеріанцу Швабрину стоить только

¹⁾ Она впрочемъ не скрываетъ своей антипатіи ко многимъ частнымъ явленіямъ времени: изъ пустословію «Леона и Бореньки» (Ушля и Оскорбл.), изъ модному либеральничанью генераловъ и пошлости обличителей («Скверный анекдотъ»), изъ пустованной болтовни повозвездныхъ либераловъ изъ чиновниковъ «средней руки» («Кривошій») и въ старому му, но теперь особенно обострившемуся—человѣку «по книжкѣ» («Подношье»).

остричься въ кружкѣ, и онъ войдетъ, какъ ранний, въ толпу пугачевцевъ. Хуже стоять дѣло при Александрѣ I; 12-й годъ, правда, соединилъ насъ на время съ пчелою (оттого то мы и побѣдили), но походъ за-границу и заграничными идеями и книжками скоро расширили ему въ цѣлую пренасть. Чацкій и Овчинъ оттого и несчастны, оттого скитальцы, что они «носятся, какъ листья, оторванные отъ дерева». Чацкій и декабристы глубоко чувствуютъ свою оторванность отъ земли и не жалуютъ головы своихъ, чтобы стать за одно съ народомъ, но — результаты известны. Чѣмъ дальше, тѣмъ дѣло идетъ все хуже и хуже. Печоринъ не понятенъ уже и Максиму Максимычу; Рудинъ, даже Лаврецкій совѣтъ уже заграничные люди, хотя и за-границей они, конечно, не дома. Дѣло кончается страшнымъ варварствомъ: передовой русскій человѣкъ разрываетъ не съ русской только вѣрой и нравственностью, но и со всякой вообще и идетъ на бой съ общечеловѣческимъ закономъ; остается въ душѣ добрымъ, великодушнымъ, любящимъ, даже глубоко-нравственнымъ, вѣрующимъ, онъ становится злодѣемъ нераскаленнымъ, злодѣемъ, который противенъ и самимъ каторжникамъ. Помните сцену, слабую въ художественномъ отношеніи (конечно, отъ послѣдности въ работѣ), но важную и глубокую по идеѣ, сцену, когда каторжники бросаются бить Раскольниковъ за то, что онъ «въ Бога не вѣруетъ».

Дальше идти некуда. Здѣсь то и начинается благодѣтельный переходъ.

Евангеліе и всепрощающая любовь едва грамотной Соии излѣчиваютъ Раскольниковъ отъ его страшной умственной болѣзни и соединяютъ его съ народомъ.

„Тутъ ужъ начинается новая исторія, исторія, постепеннаго обновленія человѣка, исторія постепеннаго перерожденія его, постепеннаго перехода изъ одного міра въ другой, взаимодействие съ новой, совершенно невѣдомой дѣйствительностью“¹⁾.

Не могу не сдѣлать еще одного замѣчанія въ виду того, что я ваялся дать сравнительную характеристику Достоевскаго и Писемскаго: какъ ни далека, помянутому, другъ отъ друга карьеристъ и поклонникъ комфорта Калининъ и нищій студентъ

¹⁾ VI, 514.

Раснольнавомъ, между ними есть одно общее: оба они выше толпы и оба страшно самоинтересны; оба считаютъ себя «большими кораблями», тѣми Наполеонами, «необыкновенными» людьми, которые могутъ «перешагнуть». Но одинъ изъ нихъ въ самомъ дѣлѣ Наполеонъ, хоть и грошевый, потому что онъ прежде всего агонистъ; а другой добрый и любящій, только сбившійся съ пути, глубоко несчастный человѣкъ; одинъ — молотъ, другой — накопальня; одинъ — практикъ и матеріаллистъ, другой — восторженный идеалистъ, какъ и его создатель.

Черезъ 2 года послѣ «Преступленія и Наказанія» выходитъ «Идіотъ». Это одно изъ самыхъ глубокихъ по идей произведеній Достоевскаго и одно изъ самыхъ слабыхъ по исполненію. Идея лежитъ, конечно, въ главномъ дѣйствующемъ лицѣ: больномъ князѣ Мышкинѣ, втомъ Иванушѣ—дурачкѣ русскихъ связей.

Въ основѣ его характера — та же душевная чистота и правдивость, та же потребность безграничной любви и непониманіе влкихъ чувствъ, что и у Алеши «Униженныхъ и Оскорбленныхъ» и у Алеши Карамазова. Но оба Алеши — почти мальчики, мало развитые, мало думакшіе, а Алеша «Униженныхъ» кромѣ того и умственно ограниченный мальчикъ, воспитанный въ пустомъ безразличномъ обществѣ. Князь Мышкинъ — человекъ съ такой же душевной чистотой, съ такимъ же мгновеннымъ сердцемъ, но при этомъ съ глубокимъ и тонкимъ, всесторонне развитымъ умомъ, человекъ, много видавшій и много страдавшій.

Достоевскій начинаетъ разсказъ съ того, что ввозитъ героя въ совершенно незнакомую ему, хотя и родную Россію, ввозитъ въ вагонѣ III класса, гдѣ знакомитъ его съ двумя необыкновенно богатыми и по объему и по содержанію чисто русскими типами: купеческимъ сыномъ Рогожинымъ и чиновникомъ Лебедевымъ, пьянымъ, лезвнымъ шуткомъ, не провинившмъ, однако, замѣчательно сильного и яснаго ума. Затѣмъ въ первый же день авторъ вводитъ его въ домъ генерала Епанчина и на вечерѣ въ Настасью Филиповну, гдѣ знакомитъ его съ самыми разнообразными представителями русскаго общества и въ томъ числѣ съ двумя идеальными женскими типами, которые потомъ играютъ роковую роль въ судьбѣ героя. Мысль, такъ сказать, «открытъ Россію» для человека съ такими данными, какъ князь Мышкинъ — мысль гениальная. Но Достоевскій не провелъ ее послѣ-

довательно: мы видимъ героя въ Петербургѣ, а какъ онъ прожилъ 6-ть мѣсяцевъ въ Москвѣ и внутри Россіи, мы не знаемъ. Мы знаемъ только, что онъ вернулся убѣжденнымъ народникомъ и исповѣдникомъ православія.

Я не буду слѣдовать за драматической сабулой романа, опитъ такъ глубокой по плану, но пазкоро, со многими повтореніями исполненной, не буду говорить и объ оригинальномъ характерѣ Настасьи Филипповны, такъ какъ Достоевскій повторилъ его черезъ нѣсколько лѣтъ съ существенными поправками въ Грушенькѣ Караназовыхъ; но не могу не отиѣтити Парасена Рогожина, въ изображеніи котораго Достоевскій показалъ, какимъ необыкновенно сильнымъ реализмомъ могъ онъ быть, когда хотѣлъ.

Вспомните ухватки этого купеческаго сына, безудержнаго, но мрачнаго кутилы, вспомните его типичный языкъ, типичное соединеніе грубости, даже цинизма съ младенческимъ простодушіемъ и правдивостью, его покорность своимъ страстямъ и капризамъ и страшную силу воли, и вы признаете, что у самого Островскаго, Колумба русскаго купечества, нѣтъ настолько выразительной фигуры. А какаа была богатаа мысль сопоставить этого прижитаго сына допетровской Руси съ воспитанникомъ швейцарскаго педагога, свести ихъ въ дружбѣ и противопоставить въ любви въ одной женщинѣ! Но болѣзненный надрылъ Достоевскаго, а, главное, послѣдность работы не дали ему возможности разработать эту мысль и наполовину.

Слабѣй всего тенденціознаа часть романа — изображеніе полупошляпанныхъ социалистовъ: Вурдовскаго и К^о.

Слѣдующій романъ Достоевскаго «Вѣсы», по моему мнѣнію, самый слабый изъ его крупныхъ романовъ и именно потому, что въ немъ больше всего другихъ политичаи тенденцій.

Кромѣ того, едва ли можно назвать удачноа мысль вывести въ смѣшномъ или полусмѣшномъ видѣ Грановскаго и Тургенева¹⁾. Въ изображеніи Кармазинова рассказъ переходитъ въ

¹⁾ «Грановскій изъ честнѣйшихъ Степановъ Трофимовичей», говоритъ Достоевскій въ Дневн. Пис. за 1876 г. (XI, 225).

Рассказъ Кармазинова о гибели парохода производить на рассказка буквально то же впечатлѣніе, что Тургеневскій рассказъ о казни Тропикана на Достоевскаго.

злостью личный памфлетъ, а памфлеты не удаются и бессмыслу Писемскому. И увѣренъ, что еслибы «Бѣсы» появились въ свѣтъ 10—12 годовъ раньше, они вызвали бы болѣе осмысленный и болѣе громкій протестъ всей литературы, нежели «безобразный поступокъ Вѣны», а изображеніе русскихъ заблудшихъ «политиковъ» въ видѣ стада бѣсноватыхъ свиней, предводимыхъ мерзавцемъ Петромъ Верховенскимъ, вызвало бы такой свистъ, перелъ которымъ встрѣча «Взбаломученнаго моря» могла показаться тихой музыкой. Но времена измѣнились.... Способъ изложенія въ «Бѣсахъ», эти вѣчныя: «тутъ произошло ичто совершенно неожиданное» до поразительности напоминають манеру Гюгана въ панцентѣ удачныхъ повѣстяхъ его.

Конечно, и въ «Бѣсахъ» есть ярко очерченные и оригинальные характеры (въ особенности женскіе), сильныя сцены, умныя мысли, и въ умѣнъ изображать душевныя страданія Достоевскій всегда Достоевскій. Но видъ и въ послѣднихъ романахъ Писемскаго есть хороша и сильныя мѣста.

Другая причина слабости романа — въ условіяхъ, при которыхъ онъ писанъ: послѣдніе два года за-границей были особенно тяжелы для Достоевскаго¹⁾. Зналъ эти условія, скорѣй надо удивляться тому, что ему такъ удалась повѣсть «Вѣчный мужъ», гдѣ оба главные характера совершенно оригинальны, а дѣйствіе драматично и колоритно до поразительности. Впрочемъ, она была хорошо обдумана раньше.

Въ началѣ іюля 1871 г. Достоевскіе переѣхали границу и поселились навсегда въ Петербургъ. Теперь начинается самый свѣтлый періодъ въ жизни романиста, въ горячо любимой семьѣ, съ доброй и умной женой, которая взяла въ свои руки денежные (падательскія) дѣла и скоро освободила мужа отъ долговъ. Въ первый разъ 50-лѣтній поэтъ окаялся въ сноскомъ денежномъ положеніи и въ состояніи работать не «въ подъ палки», не «на почтовыхъ»; онъ уже не чувствовалъ себя «почтовой вѣщей» и не смущался заботами о завтрашнемъ днѣ²⁾. Первый романъ, который соедаетъ онъ при этихъ условіяхъ, несравненно лучше отдѣланъ, чѣмъ «Идіотъ» и «Бѣсы».

¹⁾ Матер. стр. 298.

²⁾ Многолѣтняя привычка, конечно, не могла исчезнуть при измѣнившихся обстоятельствахъ, и Достоевскій продолжаетъ работать по по-

«Подростокъ» высказываетъ свою задачу самымъ нагляднымъ и точнымъ опредѣленіемъ ее заключительнымъ письмомъ воспитателя Долгорукова. Изъ подростка, говоритъ авторъ, (стр. 544) выходятъ дѣтели; стало быть и вопросъ о настроеніи ихъ — вопросъ о будущемъ Россіи. Подростокъ, какъ и взрослые, Достоевскій дѣлитъ на безразличную массу и на людей съ идеаломъ. Такіе держатся всегда особнякомъ, «въ удлиненіи». Ихъ способности и характеръ «угрожаютъ развитіемъ къ худшему», часто «въ стремленіе къ беспорядку». Но это желаніе «беспорядка происходитъ изъ вѣчной жажды порядка и благообразія. Юность чиста уже потому, что она юность». Такими въ романѣ всѣ (кроѣ негодля Ламберта) представители молодежи. Она грубо бранится съ матерью и кончаетъ самоубійствомъ; но источникъ ея озлобленности чистый: она не можетъ перенести разочарованія въ людяхъ; не хочетъ унижаться и несправедливо обижать другихъ; лучше уничтоженіе, нежели жизнь не по ея идеалу. Краѣмъ слѣпо вѣритъ въ науку, а наука будто бы пришла къ заключенію, что русскіе — второстепенная порода людей; конецъ тотъ же: самоуничтоженіе. «Нетерпѣлива она современная молодежь и маловаго пониманія дѣятельности», говоритъ Достоевскій устами Версилова ¹⁾.

Но это менѣе умные представители подрастающаго поколѣнія, не способные къ борьбѣ. Не таковы герой — Долгорукій. Это сынъ Достоевскій въ юности въ собственномъ не очень лестномъ изображеніи. Онъ «сбродъ всѣхъ самолюбій» ²⁾. Онъ всего больше мучитъ тѣхъ, кого больше всего любитъ. Сердце его переполнено любви къ людямъ, а онъ старается «держать себя какъ можно мрачнѣе»; онъ невиндитъ себя за желаніе

чашъ, когда всѣ уйдутся спать, въ сообществѣ съ холоднымъ самопаромъ. Онъ и теперь подгоняетъ работу къ послѣдному сроку и тѣмъ искусственно возбуждаетъ свой мозгъ и нервы. У него и теперь встрѣчаются небрежности (напр. герой «Подростка» накопилъ себѣ въ Москвѣ 60 рубл. по стр. 21; они возрастаютъ до 70 на стр. 79 и до 72 на стр. 82, а на стр. 104 опять падаютъ до 60). Но это мелочи сравнительно съ прежнимъ.

¹⁾ Стр. 174—5.

²⁾ Стр. 63 ср. стр. 84.

„прыгать людямъ на шею“⁴. Онъ не мстительнъ, но страшно злопамятенъ: онъ жаждетъ отомстить великодушнѣмъ, чтобы обидчикъ почувствовалъ свою вину передъ нимъ⁵). Уединеніе и большія развитости сравнительно съ товарищами мешаютъ ему стать въ ряды политическихъ дѣателей⁶), и онъ изобрѣтаетъ себѣ собственную идею, въ сущности нелѣпую, но за то оригинальную (литературный ея источникъ — Скупой рыцарь, конечно, не уничтожаетъ этой оригинальности). Но живая жизнь, любовь къ отцу и матери и полудѣтская страсть къ Катеринѣ Николаевнѣ отвлекаютъ его отъ ней, а въ концѣ концовъ и излѣчиваютъ его отъ исключительности.

Въ романѣ есть и другой герой — это Версиловъ, изъ лицъ котораго Достоевскій, такъ сказать, расплывается съ собою за свое прежнее отрицательное отношеніе къ русскому образованному дворянству⁷).

Версиловъ при всѣхъ своихъ недостаткахъ и при своемъ эгоизмѣ, самый умный и самый порядочный человѣкъ не только въ нашемъ обществѣ, но и единственный европеецъ въ самой Европѣ; онъ представитель міровой идеи, «высшій культурный типъ болѣе за всѣхъ»⁸). Такихъ какъ онъ, по его словамъ, можетъ быть, тысяча во всей Россіи, которая только и существовала для того, чтобы произвести эту тысячу, и существовала не даромъ: благодаря имъ она живетъ не для себя, а для идеи, а только это и есть настоящая жизнь.

Въ этой мысли и въ выражающемъ ее типѣ есть нѣчто парадоксальное; но нельзя не признать въ ней большой глубины и оригинальности.

Архивероонецъ Версиловъ въ то же время и совсѣмъ русскій человѣкъ: его благодушіе, широкость его ума⁹), его нѣч-

⁴) Стр. 472.

⁵) Сцена у Дергачева, изображающая агитаторовъ, едва ли не самая слабая во всемъ романѣ.

⁶) «Только одно дворянство, говоритъ онъ на стр. 542, выработало у насъ законченную форму чести и долга».

⁷) Стр. 449—53.

⁸) Онъ силенъ «непосредственной силой уживчивости». Его «ничѣмъ не разрушить, ничѣмъ не удивить и ничѣмъ не истребить» (стр. 205).

ное исцеленіе правды, его впечатлительность и его способность сомнѣвать высочайшій идеалъ съ величайшею подлостью — часто-русскія черты (стр. 309), т. е. черты русской интеллигенціи.

И въ «Подросткѣ» поражаетъ мѣстами духовное родство Достоевскаго съ нѣмецкими романтиками начала столѣтія, ни въ какомъ другомъ произведеніи онъ не возстаетъ съ такимъ ожесточеніемъ на жизнь разсудочную, безъ идеала, на занятіе «полезнымъ». Техники-специалисты, которые въ послѣднее время у насъ такъ подняли носъ», по его убѣжденію, люди грубо-необразованные ¹⁾. Знаменитые стихи:

Тѣмъ низшихъ истинъ мнѣ дороже

Насъ возмущающій обманъ

для него «святая аксіома» ²⁾.

Вотъ ужъ съ чѣмъ никогда не согласится Писемскій.

Романъ оканчивается счастливо «для Верендова, который освобождается отъ своей фатальной любви къ Катеринѣ Николаевнѣ и возвращается къ любви «общечеловѣческой», къ кроткой матери Долгорукова (одинъ изъ лучшихъ повѣстическихъ образовъ Достоевскаго), а черезъ нее возвращается къ народу и его идеаламъ.

Кстати замѣчу, что у Достоевскаго въ сущности всегда окончаніе счастливое (какъ у Писемскаго въ сущности всегда несчастлиное): если главные дѣйствующія лица кончаютъ преступленіемъ и Сибирью, даже и смертью и суициденіемъ, романтикъ всегда уязвляетъ надежду въ слѣдующемъ поколѣніи: и въ «Идіотѣ» и въ «Карамазовыхъ» остаются унылы и добры дѣти, которые исправятъ ошибки отцовъ и старшихъ братьевъ. Исключеніе составляютъ только «Бѣсы».

«Братья Карамазовы» — излюбленное дѣтине Достоевскаго; онъ мечтаетъ объ нихъ еще въ Дрезденѣ 1870 г. ³⁾. Тогда онъ думалъ написать 5 отдельныхъ повѣстей подъ общимъ заглавіемъ: «Житіе великаго грѣшника». Это житіе должно было изобразить жизнь нѣсколькихъ поколѣній, начиная со временъ

¹⁾ Стр. 339.

²⁾ Стр. 148—9.

³⁾ См. Письма стр. 237, ср. 288—9.

Чаадаева и до наших дней и представить параллель из «Войны и мира» Толстого, подъ влияніемъ чтенія котораго оно, повидному, и задумано. Впослѣдствіи планъ измѣнился: эпоха Чаадаева оставлена, и 5 повѣстей превратились въ два связанныхъ единствомъ лицъ романа, между дѣйствіями которыхъ проходитъ 13 лѣтъ. Достоевскій успѣлъ написать только первый романъ, совершенно самостоятельный и внутренне законченный.

Я и здѣсь ограничусь только указаніемъ общей исторической идеи, какъ я ее понимаю, и немногими частными замѣчаніями.

Карамазовъ-отецъ — отвратительный продуктъ воздѣйствія Европы на полудикую въ глубинѣ провинціи Россію XVIII и начала XIX вѣка.

Люди лучшіе и находившіеся въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, какихъ изображаетъ Толстой въ «Войнѣ и Мирѣ», воспринимали европейскую культуру, не теряя вполнѣ хорошихъ русскихъ чертъ. Худшихъ эта замѣшанная культура освобождала отъ сдержки національной религіи и нравственности, разнуздывала ихъ инстинкты и страсти, не давая имъ ничего въ заѣмъ. Есть свое «благообразіе» въ западномъ баронѣ и бюргерѣ; есть свое — и въ русскомъ мужикѣ и ибщанинѣ. Федоръ Карамазовъ не имѣетъ ни того, ни другого, и соединяетъ въ себѣ безобразіе разнузданнаго эгоизма и скептицизма худшаго изъ учениковъ Вольтера съ безобразіемъ пьянаго и распутнаго мужика. У него три сына; двое старшихъ подѣлены между Европой и Россіей, подѣлены, конечно, не равновѣрно, такъ какъ по крови и по обстановкѣ они оба русскіе люди. Иванъ по развитію и образу мыслей европеецъ; на Руси же — это оторванный отъ почвы, несчастный носитель идеала, тотъ же Раскольниковъ, геройски сильный въ мысляхъ и вѣчно колеблющійся въ дѣйствіяхъ, человѣкъ съ яснымъ сознаніемъ зла безъ сознанія добра, вѣчный мученикъ безъ надежды на царство небесное. Дмитрій — натура почвенная, человѣкъ чистого русскій, но изломанный влѣдствіемъ вѣчной борьбы между «благообразіемъ» своего идеала и безобразіемъ своей жизни. Иванъ ненавидитъ Дмитрія, какъ Европа ненавидитъ Россію; Дмитрій благоговѣетъ передъ Иваномъ, какъ Россія благоговѣетъ передъ Европой.

Третій сынъ Алеша, вѣстоный герой романа во второй ненаписанной его половинѣ, это — Россія будущаго, приближившаяся «къ народнымъ началамъ», какъ говорить прокуроръ ¹⁾, но не исключавшая при начало общечеловѣческое: вѣру въ человѣка и христіанскую всепрощающую любовь. Эту Россію мы и возлюбимъ.

Таковы герои; героиня тоже приближилась «къ народнымъ началамъ», «къ народной правдѣ» уже и потому, что она сама изъ народа. Достоевскій съ ранней молодости знаетъ только одинъ идеалъ «чарующей» женской прасоты, физической и нравственной, и постоянно ищетъ для него художественнаго выраженія. Эта прасота чисто русская: физически — нѣкоторая полнота, мягкость линий и тихая грація; большіе глаза, обыкновенно задумчивые, какъ бы подернутые влагой, минутами загорающіеся огнемъ желанной рѣшимости. Умъ веселый и веселый, но «безъ всякихъ прикрасъ» ²⁾. Въ основѣ характера — наклонность къ самопожертвованію, къ любви беззаветной, къ страданію; въ обращеніи — то дѣтское простодушіе, простота и робость, то сознаніе безграничной силы и удале до отчужденности; то доброта безконечная, то злоба неудержимая, то правдивость и откровенность, самая задушевная, то кокетство самое безжалостное ³⁾. Одно изъ главныхъ свойствъ такой женщины: истинная способность различать добро и зло, безошибочно опредѣлять людей: она хитра до коварства съ тѣмъ, кто хочетъ покорить ее; она кротка, какъ голубь, съ добрымъ и правдивымъ ⁴⁾.

¹⁾ Т. II, стр. 408. Ни Достоевскій, ни читатель не обратятъ, конечно, прокурору, что эти народныя начала выродятся въ мрачный мистицизмъ и тупой шовинизмъ.

Рѣчь прокурора — сверхъ художественности въ томъ смыслѣ, что показываетъ способность Достоевскаго всецѣло, до полной иллюзіи входить въ образъ мыслей и способы выраженія создаваемого имъ лица даже тогда, когда эти мысли совершенно противоположны его собственнымъ.

²⁾ Подростокъ 243.

³⁾ Самыя сѣтвыя женщины бывають подлы въ этомъ отношеніи, говоритъ Подростокъ; кокетство — вѣкъ «непреоборимый истинникъ».

⁴⁾ Настасья Филипповна и кн. Мышкинъ, Грушевская и Алеша.

Эту страстную волшебную прасавину со всеми хорошими и дурными чертами вполнѣ разившейся женственности Достоевскій любить сводить лицезъ къ лицу съ двушмой чистотой, экзальтированной, благородной, но гордой и самолюбивой безъ мѣры, съ нѣкоторой примѣсью душевной сухости ¹⁾. Симпатіи Достоевскаго всегда на сторонѣ болѣе женственнаго типа. Грушеньку я считаю наиболее удачной обработкой этого типа потому, что основныя черты его больше подходят къ женщинамъ плъ народа, нежели къ свѣтской или полусвѣтской баринѣ.

По удивительной, до пророчества глубокой психологіи, по мастерской обрисовкѣ всѣхъ лицъ, неисключая и третьестепенныхъ, „Братья Карамазовы“ стоятъ рядомъ съ «Преступленіемъ и Наказаніемъ» и выше всѣхъ другихъ романовъ Достоевскаго.

Одинъ изъ самыхъ сильныхъ эпизодовъ романа и при первомъ чтеніи — самыхъ странныхъ — «Великій Инквизиторъ». Мысль, положенная въ основу этого видѣнія, данно уже назрѣла у Достоевскаго и выражалась въ другихъ его произведеніяхъ проще и яснѣе, но съ меньшей обстоятельностью и энергіей. Истинный христіанинъ, Достоевскій всегда до душевной боли возмущался кровью, пролитой ad majorem Christi gloriam. Религія любви и всепрощенія и потоки крови, какъ служеніе ей! Что можетъ быть нехлѣбнѣе этого? Уже въ «Подросткѣ» ²⁾ Достоевскій объявляетъ, что настоящіе враги христіанства — не современные атеисты — это только жалкіе, ищущіе истины и заблудшіеся люди, — а тѣ, которые приходятъ съ именемъ Божіимъ на устахъ, а на дѣлѣ, уничтожал Бога, ставятъ вмѣсто него папу съ міровою властію ³⁾.

Мнѣ остается только сказать о „Дневникъ Писателя“ и о знаменитой рѣчи Достоевскаго на пушкинскомъ праздникѣ. „Дневникъ Писателя“ ⁴⁾ при жизни нашихъ Достоевскому всего

¹⁾ Настасья Филипповна и Аглая въ «Идіотѣ», Катерина Николаевна и Анна Андреевна въ «Подросткѣ», Грушенька и Катерина Ивановна въ «Карамазовыхъ».

²⁾ Стр. 363.

³⁾ Ср. рѣчь князя Мышквина противъ католичества «Идіотѣ» стр. 537 — 9.

⁴⁾ Я разумію, конечно, самостоятельное изданіе Достоевскаго съ 1876 г. «Дневникъ писателя» въ Гражданинѣ (1873 г.) сравнительно очень мало обратилъ на себе вниманіе.

больше и горючих приверженцев и врагов; приверженцы были из массы читателей, враги — из присяжных публицистов; первые радовались, услышав откровенное, умное, но донельзя простое слово хорошего, стоящего вне партий, человека о вопросах дня; вторые — негодовали на дерзкого самозванца, который надумал вдруг, что называется с охотой, решать самые трудные задачи без надлежащей подготовки и вне обычных журнально-газетных форм. Теперь прочесть под ряд все №№ „Дневника“ — труд не малый; но этот труд с избытком вознаграждается перлами ума, доброты и поэзии, которые там встречаются среди повторений и парадоксов.

«Дневник Писателя» драгоценен для нас, во первых, как комментарий къ произведениям Достоевскаго, как Wahrheit und Dichtung драгоценно для пониманія Гете ¹⁾; во вторых, как превосходный материал для выясненія процесса творчества поэта, так как мы здѣсь находим и фактъ, который далъ толчекъ фантази, и — иногда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, иногда сейчас же — встречаемъ художественное произведеніе, которое возникло изъ этого факта ²⁾, и въ третьихъ наконецъ, как собраніе превосходныхъ повѣстей и очерковъ, изъ которыхъ нѣме (напр. Мальчикъ у Христа на елкѣ) уже успѣли сдѣлаться народными книжками.

Всего слабѣй Достоевскій въ вопросахъ политическихъ, гдѣ действительно, нужна подготовка и вовсе не литературнаго характера и гдѣ ему мѣшаетъ сплн его воображенія и страст-

¹⁾ Здѣсь есть и общій комментарий, т. е. изложеніе міровоззрѣнія автора, и специальный; напр. XI, 8 къ Подrostку, XI, 101 къ будущимъ братьямъ Карамазовымъ и пр.

²⁾ Напр. въ окт. номерѣ 1878 г. (XI, 316) Достоевскій рассказываетъ о шпелѣ, которая отъ безработицы выбросилась изъ окна съ образкомъ въ рукахъ. Это представленіе не даетъ ему покоя и черезъ 2 мѣсяца изъ него, но при совершенно другой идеѣ онъ создаетъ повѣсть «Кроткая» (съ знакомымъ намъ по Идиоту и Подrostку типомъ идейнаго закладчика и съ характеромъ до самоубійства прандивой женщины — ребенка). Разсказъ о 104-лѣтней старукѣ сейчасъ же облекается въ поэтическую форму.

ность его патриотизма ¹⁾). Глубоко убѣжденный въ нашемъ внутреннемъ превосходствѣ передъ Европою, онъ твердо вѣруетъ, что она не нынѣ, такъ завтра постучится къ намъ и будетъ требовать, чтобы мы шли спасать ее отъ нея же самой ²⁾).

Конечно, мысль эта и въ то время казалась слишкомъ мечтательною, да и теперь черезъ 15 лѣтъ эта мечта слишкомъ еще далека отъ осуществленія; но средство, которое указываетъ Достоевскій для внушенія Европѣ уваженія, не только патристично, но и глубоко мудро.

Это средство—перестать быть международной обшмыгой, какъ выражается Достоевскій ³⁾, стать русскимъ во первыхъ и прежде всего, а стать русскимъ значитъ перестать презирать народъ свой. И какъ только европеецъ увидитъ, что мы начали уважать народъ нашъ и національность нашу, какъ тотчасъ же онъ начнетъ насъ самихъ уважать ⁴⁾.

Проповѣдь народности, конечно, не была новостью въ

¹⁾ Въ 1876 г. онъ предвидитъ легкую побѣду надъ Турками, которые будто бы только беззащитныхъ рѣзать горазды (впрочемъ кто изъ цублики въ то время не предвидѣлъ ея?); Франція предрекаетъ свою рѣзню; католичеству побѣду надъ демагогическою; въ 1877 г. онъ предсказываетъ паденіе войны Германіи съ Франціей; задачу Кауэра считаетъ ничтожною и т. д.

²⁾ XI, 104—5 и passim.

³⁾ По поводу этого слова приведу еще нѣсколько подобныхъ, типичныхъ по своей силѣ и оригинальности выраженій Достоевскаго: «внѣзвичность», «слава и свердливка, какъ буравчикъ», «спрокинутое лицо (можетъ быть, это и варваризмъ, но очень картинный) «сейчасшій», «безудержъ желаній», «подмигнутое сердце», «сорриямъ икнути», «виситъ надъ каждаго словомъ» и т. д. Иногда Достоевскій однимъ оборотомъ рѣчи измѣняетъ самое отношеніе понатій. Напр. въ «Вѣчномъ Мужѣ» онъ говоритъ: «Онъ былъ не только умный, но даже иногда толковый человекъ». Кто изъ самыхъ дѣлъ не согласится, что толковыхъ людей между русскими интеллигентами меньше, чѣмъ толковыхъ?

Въ общемъ слогъ Достоевскаго изъ романахъ и повѣстяхъ — слогъ крайняго реалиста, натуральнѣйшій до послѣдней степени. Онъ не одинъ разъ замѣчаетъ, что ненавидитъ «литературныя красоты». Напротивъ, Писемскій, когда онъ говоритъ отъ себя, говоритъ замѣчательно гладкимъ литературнымъ слогомъ, и обычныхъ изъ романахъ «красотъ» не чуждается.

⁴⁾ 1877 г. XII, 25.

70-х годах; но идея эта такова, что чѣмъ больше повторять и развивать ее, тѣмъ лучше. А что ее следовало развивать и даже доказывать, видно изъ того, что и тогда многие умные русскіе люди рукоплескали тургенѣвскому Потугину и издѣвались надъ Достоевскимъ. Да и теперь далеко ли ушли мы на пути народности, напримѣръ, хоть относительно мертвого, какъ остроумно доказываетъ Достоевскій, французскаго языка, употребляющагося въ нашемъ такъ называемомъ «свѣтѣ»?

Достоевскій вовсе не закрываетъ глазъ на недостатки нашего народа; онъ видитъ въ немъ и грязь и даже грубый матеріализмъ ¹⁾, но считаетъ это явлениямъ наноснымъ и преходящимъ. Что касается до средства очиститься, оно у Достоевскаго тоже самое, что и у всѣхъ лучшихъ людей 40-хъ, 60-хъ и 80-хъ гг. «Я не хочу, говоритъ Достоевскій ²⁾, мыслить и жить иначе какъ съ вѣрой, что все наши 90 милліоновъ русскихъ будутъ когда нибудь образованы, очеловѣчены и счастливы. Я знаю и твердо вѣрую, что всеобщее просвѣщеніе у насъ никому повредить не можетъ» ³⁾.

Достоевскій настойчиво требуетъ для всѣхъ права на высшее образованіе и прежде всего для будущихъ матерей, для нашихъ женщинъ. «Только лишь высшая наука, пишетъ онъ въ 1876 г. ⁴⁾, имѣетъ въ себѣ столько обаянія и силы, чтобы усмирить это почти волненіе, начавшееся среди нашихъ женщинъ». Родители, по его убѣжденію, не только не должны препятствовать стремленію дочерей на «курсы», но сами должны посылать ихъ, чего бы имъ это не стоило. Онъ видитъ въ современной русской женщинѣ, которую вообще ставитъ много

¹⁾ XI, 47.

²⁾ X, 36.

³⁾ Достоевскій, можетъ быть, слишкомъ увлекается нашими хорошими свойствами, увѣряя, что только у насъ идеалъ выше всего мірскаго (XI, 47), что только у насъ святые действительно святые, и мы стоимъ за нихъ искренно, а не во имя «порядка» (XI, 82 — 3), что у насъ скорѣе, чѣмъ на западѣ, настанетъ царство мысли свѣта, такъ какъ у насъ нѣтъ сословной ненависти (X, 36). Но это увлеченіе идетъ изъ чистаго источника и никому провинности и возможности внушить не можетъ.

⁴⁾ XI, 214.

выше мушны, великій недостатокъ—зависимость отъ мужскихъ идей и склонность принимать ихъ на вѣру, и для этой болѣзни указываетъ тоже лекарство — высшее образование ¹⁾.

Достоевскій никогда не давалъ уроковъ, да едва ли и былъ способенъ давать ихъ; но какъ писатель, онъ великій педагогъ, потому же онъ человекъ великой любви къ дѣтямъ.

Въ своихъ романахъ, онъ, какъ мы видѣли, выводитъ дѣтей исключительныхъ: съ болѣзненной впечатлительностью, съ глубокимъ горемъ въ юномъ сердцѣ. Для ихъ излѣченія у него одна панацея — любовь, которая мгновенно изгоняетъ изъ сердца ребенка самую застарѣлую злобу и раздражительность (припомните въ «Униженныхъ и Оскорбленныхъ» сцену между Нелли и старымъ докторомъ нѣмцемъ; въ «Карамазовыхъ» — первую встрѣчу Алеша съ Илюшенькой). Въ «Дневникъ Писателя» громкіе процессы того времени даютъ Достоевскому поводъ поднимать вопросъ о воспитаніи вообще ²⁾. Основа всякой педагогикъ, по его убѣжденію, есть дѣятельная и неустанная любовь. Мѣры насильственныхъ, тѣлесныхъ наказаній есть продуктъ лѣни родителей. Дѣти — великій и страшный долгъ, ни съ чѣмъ не сравнимый, и честные отецъ съ матерью должны прежде всего перевоспитать самихъ себя. Трудный это подвигъ, но чтожъ дѣлать: за то плоды будутъ благіе.

Но Достоевскій не приводитъ въ отчаяніе и тѣхъ, кто слабъ для подвига: дѣти гораздо больше понимаютъ, чѣмъ мы объ нихъ думаемъ, и расположены къ любви самой природой; если родители добры къ нимъ, они простятъ всякія отклоненія, вслѣдствіе безобразія ³⁾, и если не будутъ уважать родителей, то будутъ любить ихъ, забудутъ испытанное горе и вынесутъ изъ дѣтства хоть нѣсколько свѣтлыхъ воспоминаній; а нѣтъ ничего на свѣтѣ выше, сильнѣе и полезнѣе впередъ для жизни, какъ эти воспоминанія ⁴⁾.

¹⁾ XI, 192—193.

²⁾ Разборъ громкихъ процессовъ—лучшія главы Дневника, которые могутъ быть поставлены рядомъ съ лучшими страницами романовъ Достоевскаго; здѣсь глубокій и гуманный психологическій анализъ Достоевскаго достигаетъ поразительной силы, а иногда, какъ въ дѣлѣ Корниловой, спасалъ людей отъ грѣха и Сибири.

³⁾ XII, 217.

⁴⁾ «Братья Карамазовы», рѣчь Алеша на могилѣ Илюшеньки.

Не могу не привести одного частного замѣчанія Достоевскаго относительно преподаванія словесности въ нашей средней школѣ. Въ «Дневникѣ Писателя»¹⁾, приведи одну цитату изъ Донъ Кихота, Достоевскій говоритъ: «Какъ бы ждалось, чтобы съ этими великими произведеніями всемірной литературы основательно знакомилось наше юношество. Чему учать теперь въ классахъ литературы — не знаю, но знакомство съ этой величайшей и самой грустной книгой изъ всѣхъ, созданныхъ гениемъ человечества, несомнѣнно возымело бы душу юноши великою мыслію, заронило бы въ сердце его великіе вопросы и способствовало бы отвлечь его умъ отъ поклоненія вѣчному и глупому идолу средины, вседозвольному самоинтѣнью и пошлону благоразумію».

Глубоко вѣрнал мысль, выраженная съ замѣчательной энергіей и убѣдительностью! Кто не согласится, что для общаго, гуманнаго образованія такія вѣчныя книги, какъ Донъ Кихотъ, Кароль Лиръ, Макбетъ, даже Дантъ необходимы, чѣмъ «Разсужденіе о пользѣ книгъ первовныхъ» и «Пахвальное слово Петру Великому»?

Лучшая минута въ молодости Достоевскаго — его первое свиданіе съ Бѣлинскимъ. Величайшая минута въ старости — его рѣчь на пушкинскомъ праздникѣ въ Москвѣ. Я слышалъ эту рѣчь, и я имѣлъ съ тою же безумствовалъ отъ восторга. Черезъ нѣсколько недѣль, прочитавъ эту рѣчь въ печати, я значительно разочаровался въ ней: нашелъ въ ней преувеличенія, неосуществимыя мечтанія, неясности, нѣсколько громкихъ фразъ. Но теперь черезъ 12 лѣтъ я горжусь своимъ безграничнымъ восторгомъ и стыжусь своей близорукой и придирчивой критикой. Что за дѣло до частностей, когда общее такъ хорошо? Теперь вижу ясны блгаія послѣдствія этого великаго момента примиренія и объединенія всего, что было на Руси лучшаго и идейнаго; вижу ясно, что съ этого праздника нѣтъ на Руси ни ультрареалистовъ, доказывающихъ, что сапоги лучше Шекспира, ни ультраидеалистовъ, отдающихъ китайской стѣною поэзію отъ жизни; нѣтъ вражды между руссоидами и космополитами-западниками, а есть, какъ и всегда, невѣжды и образо-

¹⁾ XII, 282—3.

панные, равнодушные во всему, кроме личных выгод, эгоисты, «сливающие и праздно болтающие, омывающие руки въ крови», и есть идейные энтузиасты, и что рѣчь Достоевскаго, самого горячаго изъ такихъ энтузиастовъ, была глубоко искреннимъ и блестящимъ выраженіемъ этого момента.

Пушкинъ собралъ всѣхъ воедино, а Достоевскій сдѣлалъ то, что собраніе на поминки Пушкина осталось въ единеніи, и вотъ отчего, пока чтутъ Пушкина, будутъ помнить и восторженнаго жреца его Достоевскаго.

Рѣчь о Пушкинѣ безсознательно для оратора оказалась подведеніемъ итоговъ всей лучшей стороны литературной дѣятельности самого Достоевскаго. Онъ превозноситъ поэта — прозорливца за его горячее стремленіе къ идеалу и за умѣнье находить этотъ идеалъ въ родной землѣ. Достоевскій былъ всю жизнь «неисправимый идеалистъ» (XI, 83), плѣчно искавшій святыхъ и умѣвшій находить ихъ у себя дома. Онъ превозноситъ Пушкина за созданіе въ лицѣ Онегина типа русскаго скитальца и страдальца, тоскующаго по потерянной правдѣ. Онъ самъ всю жизнь болѣлъ за русскихъ страдальцевъ, и всю жизнь указывалъ имъ потерянную правду, говорилъ: «Смири свою гордость, гордый человѣкъ! Поработай на родной нивѣ, правдѣй человѣкъ!» Онъ видитъ въ Татьянѣ апофеозъ русской женщины, которая не можетъ основать своего счастья на несчастьи другого. Онъ самъ, начиная съ «Бѣдныхъ людей», до называлъ, что счастье только въ томъ, чтобъ доставлять другимъ минуты счастья, чтобъ возстановлять падшихъ, чтобъ утѣшать униженныхъ и оскорбленныхъ. Пушкинъ любилъ Россію и гордился ею, хотя и признавалъ всѣ темныя стороны нашей жизни. Достоевскій говоритъ: «наша земля нищая, но въдѣ и Христосъ въ селахъ родился». Пушкинъ не былъ ни славянофиломъ, ни западникомъ, а былъ одновременно и русскимъ и мировымъ человѣкомъ. Достоевскій проповѣдовалъ объединеніе національныхъ и туманныхъ стремленій, всеобщее братство и народовъ, и словій и отчужденныхъ людей: «Главное, люби другихъ, какъ себя, вотъ что главное и это все; больше ровно ничего не надо»¹⁾.

¹⁾ XII, 134.

Я кончилъ. Если вы согласны со мною хотя въ некоторыхъ изъ моихъ положеній, вы признаёте, что мы несправедливо забыли Писемскаго. Но вы не будете удивляться тому, что судьба двухъ высокодаровитыхъ романистовъ - современниковъ такъ различна.

Писемскій въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ—талантливый художникъ - реалистъ, давшій цѣлый рядъ живыхъ яркихъ образовъ и указавшій намъ извыки наши. — Мы должны сохранить благодарную память о томъ, кто намъ скажетъ, чѣмъ мы дурны.

А Достоевскій — нашъ утѣшитель въ минуты скорби и гнѣва на себя и на жизнь, проповѣдникъ дѣятельной любви, глубокой вѣры въ человѣка и светлой надежды на его лучшее будущее. Онъ — поэтъ - учитель, указующій намъ путь правды и высшей духовной красоты.

ЦѢНА 70 К.